ІОАННА МАСОНА

А. М.

ПОЗНАНІЕ САМАГО СЕБЯ,

ВЪ

КОТОРОМЪ

Естество и польза сея важныя Науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны; съ присовокупленіемъ примѣчаній,

О

ЕСТЕСТВѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

— e Cælo deſcendit γνοθι σεαυτον — Juv.
The proper Knowledge of Mankind is Man. Pope.

Съ Аглинскаго на Нѣмецкой переведъ М. І. В. Р.
а на Россійской

І. Т.

Часть І.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова.

1783 года.

64

Ph. pr. 1409 e-1/3

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Куратороиъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Іоанна Масона А. М. Познаніе самаго себя, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настапленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

B

20/01/1958

Оглавленіе I. Части.

стран.

Глава 1. Важность и свойство сего познанія - - - - 1

— 2. О различныхъ вѣтвяхъ познанія самаго себя. Намъ должно знать какія мы творенія и что мы будемъ - - - - 17

— 3. О различныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы находимся въ разсужденіи Бога, Христа, и намъ подобныхъ твореній - - - 30

— 4. Мы должны надлежащимъ образомъ сохранять степень и состояніе, на которые мы Провидѣніемъ поставлены и уважать по пристойности ко украшенію онаго относящееся - - 53

— 5. Каждый человѣкъ долженъ собственныя свои дарованія и способности точно знать и умѣть употреблять и возвышать ихъ наилучшимъ образомъ - - - 59

— 6. Мы должны вѣдать немощи наши и тѣ вещи, въ которыхъ мы отъ природы недостатокъ имѣемъ; также знать, въ чемъ мы предъ другими преимуществуемъ - 63

Оглавленіе.

стран.

Глава 7. О познаніи нашихъ недостатковъ въ темпераментѣ - - - 67

— 8. Познаніе о нашихъ опаснѣйшихъ искушеніяхъ къ познанію самаго себя необходимо нужно - - 76

— 9. Познаніе самаго себя открываетъ тайныя средства предубѣжденія 82

— 10. О необходимости и средствѣ познанія своего темперамента - - 105

— 11. О тайныхъ побужденіяхъ нашихъ дѣяній - - - - 115

— 12. Всякій, кто себя знаетъ, гораздо вѣдаетъ коль сильно въ немъ господствуетъ желаніе похвалы 119

— 13. Какой родъ науки мы теперь имѣемъ, и какое достоинство мы оному приписываемъ - - - 126

— 14. О познаніи, надзираніи за нашими мыслями и управленіи оными 136

— 15. О памяти - - - - 161

— 16. Въ разсужденіи нравственнаго вкуса - - - - 167

— 17. О великихъ и главныхъ нашихъ намѣреніяхъ въ мірѣ - - - 176

— 18. О томъ, какъ узнавать истинное состояніе души своей, и способны ли мы къ смерти - - 182

Къ пнимательнымъ Читателямъ.

Излишнимъ считаю я предлагать здѣсь о пользѣ, которую Читатель почерпнуть можетъ изъ прилѣжнаго и часпаго чтенія книги, содержащей въ себѣ ученіе о познаніи человѣка. Самъ чтущій по прочтеніи, испытаніи и исполненіи чтомаго, удостовѣриться въ томъ можетъ. Развѣ то только скажу, что въ человѣкѣ есть ключь, отпирающій дверь храма природы, которая есть лѣствица, ведущая насъ къ богопознанію; что онъ есть сокращеніе и вмѣстилище видимаго и невидимаго, внѣшняго и внутренняго міра: то сколь бы полезно намъ было обрѣсть ключь сей, и имѣть свѣдѣніе о образѣ всяческихъ! ибо познавши сіе, то есть познавши себя, познаемъ начало и конецъ всего творенія. — Изъ сего видится, коль обширна должна быть наука о человѣкѣ. Исторія доказываетъ намъ, что наука сія еще и въ древнія времена ученнѣйшими мужами была весьма уважаема. — По прочтеніи книжицы сея увидишь, благомыслящій Читатель, что здѣсь и детъ

идетъ дѣло объ одной, но главнѣйшей части великія сея науки Познанія Самаго Себя, то есть о нравственности, и говорится только о образованіи нравственнаго человѣка, а ты самъ чувствуешь, что человѣкъ есть и физическое бытіе. Но пусть сперва люди совершенными сдѣлаются въ морали, исправляющей сердца ихъ и приготовляющей оныя къ пріятію важнѣйшихъ знаній, снабдѣвающихъ родъ человѣческой спасительными открытіями. Не возможно, по моему мнѣнію, быть истиннымъ естества испытателемъ не испытавъ прежде самаго себя, не исправившись, не будучи добродѣтельнымъ; и такъ исправившій себя, то есть добродѣтельный только можетъ быть истиннымъ естества испытателемъ. Постараемся же исправить себя, постараемся сдѣлаться добродѣтельными, тогда отверзутся двери храма природы, тогда внидемъ во святилище ея; но прежде да никто не льститъ себя симъ благополучіемъ.

Познаніе Самаго Себя пролагаетъ путь къ познанію природы, а невѣдѣніе

ніе о самомъ себѣ облекаетъ густымъ мракомъ все насъ окружающее. Человѣкъ, не познающій самъ себя, не знаетъ что онъ есть, откуда, и куда грядетъ; не знаетъ о своемъ произхожденіи, теченіи и концѣ, и подобяся слѣпцу, для коего нѣтъ ни солнечнаго сіянія, нѣтъ порядка, нѣтъ стройности въ мірѣ, не видитъ онъ связи въ естествѣ; не знаетъ, какимъ путемъ идетъ природа отъ минерала до растѣній, отъ растѣній до животныхъ, и кончаясь матеріальнымъ образомъ въ человѣкѣ, начинаетъ въ немъ міръ духовный, коего онъ, такъ сказать, есть Полибъ. Однимъ словомъ, для него нѣтъ свѣта, вездѣ тьма. Онъ падаетъ наконецъ въ бездну безбожія, въ бездну пороковъ и негодныхъ страстей. Бѣдное состояніе! жалкая участь!

Извѣстно тебѣ, благоразумный Читатель, что нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы вдругъ сдѣлалось совершеннымъ, и что все течетъ къ совершенству шагъ за шагомъ, изъ степени въ степень. Вотъ камень преткновенія для незнающихъ законовъ природы,

роды, слѣдовательно и себя. Они видя, что иногда изъ мнимаго зла выходитъ добро, а изъ добра, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ зло, падаютъ, бѣснуются и вопятъ, что нѣтъ въ мірѣ спройности, нѣтъ Правителя. Но можетъ ли часть, и еще сама о себѣ невѣдущая разсуждать о всеобщемъ, и отъ себя заключать къ цѣлому чертежу творенія? Какъ не имущій ключа ко храму природы можетъ отпирать двери онаго, отворять ихъ и созерцать въ ономъ дивная Божія, и видѣть теченіе и цѣль творенія? Какъ слѣпому о цвѣтахъ и глухому разсуждать о музыкѣ?

Чѣмъ у кого совѣсть чище, чѣмъ просвѣщеннѣе разумъ, тѣмъ менѣе для того зла на свѣтѣ. Мрачными пороками опятненный, нося въ сердцѣ злобу, видитъ тамо зло, гдѣ добродѣтельный, свѣтлою любовію дышущій, видитъ единыя слабости, которыя отъ его присутствія уже въ добрыя превращаются свойства. Гдѣ безбожникъ видитъ мученія, тамъ благочестивый мужъ зритъ исправленія. Не из-

извѣстны безумцу, погрязшему въ пороки, чистыя награжденія непорочныя совѣсти: се есть даръ милосердаго Творца, утѣшающій насъ въ сей жизни, и увѣряющій о бытіи будущія, подавая намъ объ оной хотя темныя, но ощутительныя доказательства. Добродѣтельный мужъ скорѣе согласится страдать и быть въ гоненіи, имѣя непорочность душевную, нежели занимать верьховное мѣсто, и быть жегому совѣстію.

Но не слышитъ глухій сладчайшаго гласа мусикійскихъ органовъ, (повторяю я,) приводящаго въ небесное восхищеніе; не видитъ слѣпый узла порядка и стройности, связующія пресмыкающагося червя съ Серафимомъ, пламенемъ облеченнымъ.

Коль же полезно Познаніе Самаго Себя и познаніе естества, доставляющее роду человѣческому сіе благо, научающее видѣть стройность, порядокъ и согласіе въ природѣ! Оно заставляетъ насъ обратить всѣ способности наши и вниманіе на самихъ себя. Оно ведетъ насъ къ познанію сама-

самаго Бога, Творца всяческихъ, къ наслажденію божественными совершенствами во внутренности нашей, исправляетъ сердце наше, просвѣщаетъ разумъ нашъ на земли, а на небеси наградитъ насъ за добродѣтель и умножитъ и утвердитъ пріобрѣтенныя здѣсь познанія, во Свѣтѣ давши узрѣть Свѣтъ.

ПРИНОШЕНІЕ.

Кому приличнѣе могу я посвятить переводъ преполезныя книжки сея, ежели не вамъ, Благодѣтели и Друзья мои! ибо вы причиною, что я употребилъ трудъ къ переводу ея на Русской языкъ, и вамъ соотчичи мои обязаны будутъ чтеніемъ сея книжки. Внимая ученію вашему нашелъ я вкусъ въ предлагаемой здѣсь матеріи; входя въ намѣренія ваши распространять охоту къ подобнымъ книгамъ, рѣшился и я споспѣшествовать видамъ вашимъ, клонящимся къ пользѣ и благу сограждан̀ъ нашихъ. — Книга сія содержитъ въ себѣ нужнѣйшее ученіе о Познаніи Самаго Себя, о преимуществіяхъ сего познанія предъ прочими, и о способахъ къ достиженію онаго; а вы находитесь уже при Источникѣ, изъ котораго желающіе утолять жажду къ познанію, могутъ почерпать обильно ученіе сіе. Книга сія научаетъ человѣка познавать обязанности его и отношенія, въ каковыхъ онъ находится къ Богу Творцу своему, къ природѣ, яко творенію, и къ самому себѣ; а вы тоякія сіи должности исполняете въ са-

самомъ дѣлѣ служа добрымъ тому примѣромъ. Книга сія можетъ служить свѣтиломъ, помощію котораго можно проницать въ сокровеннѣйшіе сгибы и тѣснѣйшіе углы неисповѣдимаго человѣческаго сердца, и видѣть тамо, какъ слабости наши отъ глазъ нашихъ укрываются; вы же, яко полная луна, заимствуя свѣтъ свой отъ солнца чистаго Ученія, разпространяете оный всѣмъ тѣмъ, кои желаютъ принимать оный и просвѣщать имъ умъ и исправлять сердце свое. Книга сія есть путеводительница къ вертограду добродѣтели; а вы розы, украшающіе его, и износящіе благоуханія любви роду человѣческому. Блаженъ, кто удостоится созерцать красоту цвѣта вашего, кто благоуханіемъ вашимъ наслаждается!

Пріимите малое сіе приношеніе знакомъ моей къ вамъ преданности, и во свидѣтельство чистѣйшаго благодаренія за благодѣянія, мною отъ васъ полученныя. Сохраняя истинное къ вамъ почтеніе, никогда не престану быть

Вашимъ

Всепокорнымъ и вѣрнымъ слугою,

I. Т.

ІОАННА МАСОНА

А. М.

О

ПОЗНАНІИ САМАГО СЕБЯ.

Глава І.

Важность и спойство сего познанія.

Душѣ человѣческой сродно имѣть желаніе къ познанію, и ничто такъ не обнаруживаетъ настоящее свойство и положеніе духа, какъ особливой тотъ родъ познанія, которой для него всего пріятнѣе.

Мы видимъ, что низкіе и малодушные люди по большей части занимаются бездѣлицами: на примѣръ дѣти. Нечувствительная душа довольствуется только тѣми вещами, кои служатъ къ препровожденію времени, или къ увеселенію воображительныя силы. Любопытный находитъ величайшее свое удовольствіе въ разсказахъ; остроумный и проницательный человѣкъ въ Геометрическихъ доказательствахъ и въ наукахъ Математическихъ; свѣтской человѣкъ выше всѣхъ познаній считаетъ познаніе свѣтское; но мудрый и благочестивый мужъ познаніе Бога и собственныя своея души предпочитаетъ всѣмъ прочимъ наукамъ.

Но душа непрестанно стремится къ тому или другому роду познанія, и ежели примѣчать къ какому, то легко по сему можно узнать господствующую ея склонность и темпераментъ.

Желаніе сіе къ *познанію* удобно проводитъ насъ на ложныя пути, такъ какъ и другія природныя склонности, ежели оныя не хорошо правимы бываютъ. Когда сіе желаніе стремит-

мится на неистинные предметы, или когда ему слѣпо слѣдуешь, то перерождается оно въ суетное и наказанія достойное любопытство. Несчастный сему примѣръ находимъ мы въ Святомъ Писаніи съ нашими Праотцами случившійся; плачевныя того слѣдствія весьма видны на всѣхъ людяхъ.

Слѣдующее отдѣленіе содержитъ въ себѣ *познаніе самаго себя.* — Разсужденіе объ ономъ чѣмъ болѣе обращается въ мысляхъ моихъ, тѣмъ больше кажется мнѣ важнѣйшимъ и пространнѣйшимъ. Толь оно важно, что каждая разсужденія сего отрасль необходимо нужною быть является къ управленію нашей души и жизни, и толь пространно, что чѣмъ точнѣе разсматриваемъ мы различныя онаго вѣтьви, тѣмъ больше мы ихъ находимъ, кои толь же тѣсно съ оными соединены какъ и другіе; и въ семъ такое же видимъ мы содержаніе, какое простое зрѣніе вещей имѣетъ къ зрѣнію въ увеличительныя стекла. Чѣмъ стекла лучше, и чѣмъ прилѣжнѣе мы испытываемъ, тѣмъ болѣе чудесъ мы открываемъ, и тѣмъ удивленія

достойнѣйшія открытія дѣлаемъ въ извѣстныхъ свойствахъ, частяхъ, или въ существенности оныхъ, о коихъ прежде никогда мы и не помышляли; ибо, ежели желаетъ кто достигнуть до справедливаго о себѣ познанія, тотъ долженъ человѣческую мысль съ разными ея силами и дѣйствіями совершенно испытать и открыть всѣ ея потаенныя обращенія и коварные ходы; въ противномъ случаѣ знакомство съ самимъ собою будетъ весьма пристрастно и недостаточно, а сверьхъ того сердце наше будетъ еще насъ и обманывать. И такъ при обработываніи сего предложенія не меньше опасно и то, что съ одной стороны никакова удовольствія не получишь, ежели о сей вещи легко судить будешь, а съ другой впадешь въ тонкое разсужденіе общей пользы и съ лишкомъ Философическое разсмотреніе; я буду имѣть въ глазахъ оба сіи пути и стараться итти по среднему.

Познай самаго себя,

Есть полезнѣйшее и важнѣйшее правило въ цѣломъ нравоученіи. Весьма по извѣстно, въ какомъ великомъ по-

почтеніи у древнихъ было сіе правило, и коль высоко почитали должность *испытанія самаго себя*, поколику сіе къ оному было необходимо.

Талесъ, (а) одинъ изъ семи мудрецовъ, почитаемъ былъ первымъ изобрѣтателемъ сего правила. Онъ обыкновенно говаривалъ, что *самая трудная для человѣка вещь на свѣтѣ есть узнать самаго себя.* Потомъ принято оное было Хилономъ Лакедемонскимъ, и стало однимъ изъ тѣхъ трехъ правилъ, кое, по свидѣтельству Плиніеву, золотыхъ буквъ начертанія удостоилось въ Дельфахъ. Послѣ весьма сему правилу удивлялись; многіе его часто употребляли; (б) наконецъ

(а) Онъ былъ знаменитѣйшій изо всѣхъ мудрецовъ, и славенъ около 3330 года міробытія; жилъ во времена Іозіи, Царя Іудейскаго.

(б) Отринь то, что тебя не составляетъ, да упражняется всякъ въ своемъ званіи.

Живи самъ съ собою, и старайся узнать, колико тѣсно твое жилище. Пер. Сат. 4.

- - - Не ищи себя внѣ. Пер. Сат. 1.

Совѣтуйся самъ съ собою, и скажи себѣ кто мы. Ювен. Сат. 3.

Толкуя

нецъ почиталось оно божескимъ изреченіемъ; ибо думали, что оно сначала дано отъ Аполлона.

Цицеронъ приписываетъ общему сему мнѣнію слѣдующее основаніе: *оно содержитъ въ себѣ толь великій смыслъ и толь великую премудрость, что кажется не возможно приписать изобрѣтеніе онаго смертному.* (в) И приписаніе правила

Толцы внутрь себя самаго. Гор. кн. 1 Сат. 3.

Врань бо есть познаніе своихъ пороковъ. Циц. въ письмахъ къ Аттику кн. 2.

Слова сіи (γνοθι σεαυτον *познай себя*) не надобно думать, будто они ради единственнаго уничиженія гордости сказаны, но они также и на тотъ конецъ были сказаны, дабы мы и добродѣтели свои познавали. Циц. въ пис. къ Мар. Квин. брату своему. Кн. III. письмо 6.

То наипаче всякому прилично знать, что дѣйствительно къ сему принадлежитъ. Почему да познаетъ всякъ свой разумъ и да будетъ строгій добродѣтелей и пороковъ своихъ судія. Циц. о долж. кн. 1.

Должно прежде войти въ самую внутренность природы вещей и разсмотрѣть чего она требуетъ; ибо инако познать самихъ себя мы не можемъ. Циц. о конц. кн. 5.

(в) Ибо сія (т. е. Философія) при всемъ томъ, что она научаетъ насъ и другихъ вещей познанія, научаетъ также и тому, что всего труднѣе, т. е. правилу, какъ *познать самихъ себя.*

вила сего Аполлону было можетъ статься начальною причиною тому, что написано оно было золотыми буквами надъ дверями Дельфійскаго храма.

Трудно рѣшить для чего сіе изящное правило въ *Христіянстпѣ* не столь высоко почитается, какъ прежде сего у *язычниковъ*.

Человѣческая природа таже, какая была и прежде, сердце толь же обманчиво, и нужда бдѣть надъ нимъ, стараться узнавать его, и примѣчать за нимъ также велика. И мы не меньше язычниковъ увѣрены, что сіе правило боже-

 ствен-

ства. Сіе правило толь важно и толь сильно, что оное не человѣку какому либо, но самому Дельфійскому божеству было приписано. Циц. о закон. кн. 1.

Какъ сіе правило больше казалось отъ Бога произшедшимъ нежели какъ бы отъ человѣкъ, потому и приписано оно было Дельфійскому Аполлону, который повелѣваетъ намъ *познапать самихъ себя.* Циц. о кон. кн. 5. гл. 16.

Сію то силу имѣетъ правило Аполлоново, въ которомъ онъ совѣтуетъ, дабы всякъ себя позналъ. И такъ познать сего (т. е. духа нашего) не есть заповѣдь остроумнѣйшаго какого либо духа, но точно божеская, наипаче, когда *познаніе самаго себя* не инако вмѣняется какъ въ познаніе Бога. Циц. Тускул. запр. кн. 5.

ственно. Да мы и большее еще имѣемъ о томъ увѣреніе, нежели они; они воображали, что оно сошло съ небесъ, а мы подлинно знаемъ, что то такъ. Что они полагали, то мы знаемъ вѣрно. Ибо святый сей уставъ предложенъ намъ въ различномъ свѣтѣ, и разнымъ образомъ истолкованъ Духомъ Святымъ въ откровеніи, которое благоволилъ Богъ даровать намъ, яко наставникъ нашей должности и блаженства. Въ семъ откровеніи мы, какъ въ зеркалѣ, можемъ себя видѣть и познавать, что то есть человѣкъ. (г)

Откровеніе научаетъ насъ познанію самихъ себя, проникаетъ въ сокровеннѣйшая сердечная, обличаетъ въ насъ всякое притворство, открываетъ *внутреннѣйшее*, и испытываетъ душу и духъ наиподробнѣйшимъ образомъ, и есть строгій судія мыслей и намѣреній сердечныхъ. (д) Откровеніе показываетъ намъ съ какою точностію и попеченіемъ должны мы испы-

ты-

(г) Іак. гл. 1. ст. 23.

(д) Живо бо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра и пр. Ко Евр. гл. 4. ст. 12.

тывать и изслѣдывать духъ нашъ, смотрѣть за собою, бдѣть за нашими поступками, дабы достигнуть могли до важнаго сего познанія самихъ насъ, къ коему весьма часто откровеніе насъ взываетъ: испытывайте самихъ себя, — изслѣдывайте самихъ себя. *Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте: или не знаете себе*; (е) *яко Іисусъ Христосъ въ васъ есть*. (ж) Спаситель учениковъ своихъ упрекаетъ недостаткомъ въ познаніи самаго себя тогда, когда они не знали какова они духа, у Луки гл. 9 ст. 55. Когда кто, отъ незнанія самаго себя, вознепщуетъ о себѣ многое,

(е) Себе искушайте 2. къ Коринф. гл. 13. ст. 5. Каждый Христіянинъ долженъ самъ себя испытывать, и можетъ знать самъ о себѣ, строго ли онъ поступаетъ въ своемъ испытаніи. Частыя увѣщанія Св. Писанія содержатъ объ сіи вещи т. е. что къ познанію о самомъ себѣ достигнуть можно, и что объ ономъ стараться должно. Для чего бы Апостолъ поощрялъ къ изслѣдыванію и испытанію самаго себя, естьлибъ не возможно было по таковомъ испытаніи и изслѣдованіи достигнуть до познанія о самомъ себѣ. Bennets Christ. Oratoris. стр. 568.

(ж) 1. къ Коринф. гл. 11. ст. 28.

гое, будучи очень малъ, тотъ обманывается; но каждый да испытаетъ дѣла свои и тогда утѣшится самъ собою, а не другимъ кѣмъ. Слова Апостола Павла въ посланіи къ Гал. гл. 6. ст. 3. и 4. *Аще бо кто мнитъ себе быти что, ничто же сый, умомъ мнитъ себе. Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да имать, а не иномъ.* Здѣсь предполагается намъ вмѣсто чтобы судить другихъ, испытывать самихъ себя, дабы не впасть въ непростительное буйство, въ которомъ мы другихъ за тѣ же самые пороки хулимъ, коимъ сами подвержены, къ Римлян. гл. 2. ст. 21 и 22. Чему легко подпасть можетъ человѣкъ непознающій самъ себя. Малая погрѣшность ближняго къ большему претыканію намъ служитъ, нежели великое преступленіе собственное наше; сіе буйство, сирѣчь незнаніе самаго себя, и лицемѣрство обличаетъ съ приличною строгостію Спаситель у Матѳ. гл. 7. ст. 3. 5.

Коль важнымъ почиталось сіе правило въ Ветхомъ Законѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ изреченій: *псяцѣмъ хра-*

храненіемъ блюди сердце твое. Притчей Сол. гл. 4. ст. 23. искуси мя Боже и увѣждь сердце мое, истяжи мя и разумѣй стези моя. Пс. 138. ст. 23. искуси мя Господи, и испытай мя, *разжги утробы моя и сердце мое*, т. е. очисти сердце мое и чрево мое. Псал. 25 ст. 2. Да испытаемъ и разыщемъ существо наше (з). Помыслите, помыслите народы, въ коихъ нѣтъ никакова удовольствія. Zeph. II. 1.

И сіе все весьма нужно для достиженія къ такому познанію самаго себя, которое есть единственное основаніе истиннаго спокойствія. (и)

Ежели бы люди болѣе удостовѣрены были о важности и необходимости сего познанія самаго себя, и ежели бы имѣли къ оному надлежащее уваженіе, естьлибъ знали они истинное средство достигнуть онаго, и

когда

(з) Lam. III. 40.

(и) Климентъ Александрійскій сказуетъ, что Моисей чрезъ употребительное въ писаніяхъ его изреченіе: вонми себѣ, внемли себѣ, исходъ гл. 34. ст. 12. Второзак. 4. 9. ничто другое не означахъ, какъ то, что древніе подъ ихъ γνωθι σεαυτον *познай себя*, разумѣли. Strom. l. 2. cap. 5.

когда бы только старались ежедневно съ усердіемъ и прилѣжностію распространять оное, и надлежащимъ образомъ чувствовали изящество сего познанія, и плачевныя слѣдствія невѣдѣнія о самомъ себѣ: то весьма бы скоро примѣтили мы счастливую перемѣну во нравахъ и мысляхъ человѣческихъ. — Но то бѣда, что люди не хотятъ *мыслить*, не хотятъ обращать прямо мыслей своихъ на тѣ вещи, кои однакожъ болѣе всего то заслуживаютъ и требуютъ. Чрезъ сіе неприличное человѣку нечувствіе и уклоненіе отъ размышленія о самомъ себѣ попадаютъ люди слѣпымъ и непримѣтнымъ образомъ на опаснѣйшую дорогу невѣрія и безбожія, такъ какъ случилось то нѣкогда съ Іудеями, коихъ ужасному неблагодарствію и отпаденію самъ Богъ у Исаіи гл. 1. ст. 3. иной причины не находитъ, кромѣ сей: *Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша.* (i) Познаніе сама-

---

(i) Люди ничто такъ не пренебрегаютъ знать, какъ собственный свой характиръ, или свойство. Не знаю откуду сіе происходитъ, что сія наука

самаго себя есть такое съ самимъ собою знакомство, кое намъ показываетъ, что мы есмы, что дѣлаемъ, и то, что мы быть и дѣлать должны, ежели хотимъ здѣсь быть спокойны и полезны, и нѣкогда жить счастливо. Средствомъ къ тому есть испытаніе самаго себя, предметъ, или цѣль онаго есть *господствованіе надъ самимъ собою*, и *наслажденіе самимъ же собою*. Оное состоитъ особливо въ познаніи нашей души, которое получишь, ежели весьма примѣчать станешь различныя ея силы, способности, страсти, ея склонности, дѣйствія, состояніе, счастіе и сложеніе или темпераментъ ея; ибо душа человѣческая есть собственно человѣкъ. См. Матѳ. гл. 16. ст. 26. сравни съ Лук. гл. 11. ст. 25. (к) Тѣло есть только домъ, но душа

ка въ такомъ пренебреженіи. Теряемъ много времени на изученіе безполезныхъ вещей, но о томъ совсѣмъ не заботимся, чтобъ узнать *самихъ себя*, и открыть сокровенная сердечная. Reflections on ridicule pag. 61.

(к) Аполлонова заповѣдь, въ которой онъ напоминаетъ всякому познавать самаго себя. Я не думаю, чтобъ она предписывала намъ познаніе о

душа владѣтель, въ немъ живущій; тѣло есть орудіе, но душа художникъ онымъ управляющій. (л)

Сія наука, которая содержаться будетъ въ слѣдующемъ отдѣленіи, имѣетъ въ себѣ сіи особливыя три свойства, отличающія ее отъ всѣхъ другихъ, и дающія ей надъ всѣми другими преимущества.

I. *Оная можетъ рапно хорошо всѣми быть постигнута.*

Къ достиженію посредственной степени познанія самаго себя не требуется сильной памяти, ни великихъ природныхъ дарованій, ни глубокаго и проницательнаго разума, такъ

членахъ нашихъ, или о ростѣ и видѣ: мы не тѣла, и я, который тебѣ сіе говоритъ, не тѣлу твоему сіе говорю, ибо онъ говоря: *познавай себя*, говоритъ, познавай душу твою. Тѣло наше какъ бы нѣкоторой сосудъ, или вмѣстилище души нашея. Все, что ни дѣлаетъ душа твоя, то дѣлаешь ты. Циц. запросовъ Тускулан.

(л) 2. Коринф. гл. 5. ст. 1. Рим. гл 6. ст. 13. Земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину нерукотворенну вѣчну на небесѣхъ. Никогда не гордись окружающимъ вмѣстилищемъ и сими обдѣланными орудіями, ибо они подобны стругу, и только тѣмъ разнятся, что они срослись. Марк. Антон. гл. I. X. §. 37.

макъ какъ прочія науки того требуютъ, къ коимъ большая часть людей достигнуть не можетъ. На пути къ оной не предстоитъ нималѣйшей невозможности, происходящей отъ недостатка въ случаяхъ, и надлежащія средства и наставленія къ полученію оныя достаточны. Всякой, имѣющій обыкновенныя способности, имѣетъ способъ и случай къ оной достигнуть, естьли онъ только блудящія мысли соберетъ, обратитъ ихъ на самаго себя, прилѣжное возъимѣетъ примѣчаніе надъ сердечными движеніями, и восхощетъ сравнить ихъ съ своимъ предписаніемъ.

II. *Сія наука для всѣхъ равно нажна, и для каждаго величайшей важности.* (м)

Другія науки расположены по разнымъ обстоятельствамъ жизни: одни нужнѣе тому, другія другому, но сія равно необходима всякому, имѣющему безсмертную душу и ищущему и желающему своего благополучія.

III.

(м) Лишь въ добродѣтели прямое есть блаженство
И въ знаніи себя есть наше совершенство.
Попія, Оп. о Чел.

III. *Другія науки могутъ учинить человѣка тщеславнымъ, но сія содержитъ его всегда по смиренiи.*

Отъ недостатка въ семъ познанiи происходитъ, что люди гордятся тѣми познанiями, кои они имѣютъ. Науки дѣлаютъ гордыхъ, говоритъ С. Павелъ, къ Кор. 1. гл. 8. ст. 1. низкая степень въ наукахъ часто производитъ сiе дѣйствiе въ слабыхъ душахъ. Причина же, для чего вышнiя степени въ наукахъ не такъ часто производятъ подобныя дѣйствiя, есть та, что они дальновидности духовныя столь много разширяютъ и увеличиваютъ, что вмѣстѣ съ собою и нарочитую степень *познанiя самаго себя* приносятъ; ибо чѣмъ большее кто имѣетъ познанiе, тѣмъ больше тотъ усматриваетъ сколь многаго еще у него къ познанiю не достаетъ, и сiе то содержитъ его въ смиренномудрiи.

Теперь, читателю мой, кто бы ты ни былъ, до твоего чина, состоянiя, преимуществъ свѣтскихъ, какiя бы они ни были, мнѣ дѣла нѣтъ! Ежели ты боишься смотрѣть въ сердце твое, и не имѣешь желанiя къ *познанiю*

знанію самаго себя, то не читай далѣе положи книгу сію; ибо ты въ ней не найдешь ласкающаго твоему самолюбію; но можетъ быть то, что оное унизитъ. Но естьли ты желаешь учиться сей важной наукѣ, и не хочешь долѣе быть въ безъизвѣстности о самомъ себѣ, такъ продолжай и смотри образъ твой съ отверстыми очами, можетъ быть покажется онъ тебѣ въ неожидаемой мерзости, и слушай съ терпѣніемъ; между тѣмъ, съ Божіею помощію, я постараюсь предложить тебѣ о сердцѣ твоемъ и искусно поведу тебя, въ слѣдующей главѣ, къ истинному самаго тебя познанію.

Глава II.

О различныхъ пѣтпяхъ познанія самаго себя. Намъ должно знать, какія мы творенія, и что мы будемъ.

Для яснѣйшаго и порядочнаго о семъ предложеніи понятія примѣтить я здѣсь хочу разные степени познанія самаго себя, или нѣкоторыя гла-

вныя онаго части представить. Изъ чего легко усмотрѣть возможно будетъ, что познаніе самаго себя есть гораздо пространнѣйшая и важнѣйшая наука, нежели какъ мы воображаемъ. И

I. Знать самихъ себя есть *пѣдать, съ пажностію размыслить, какія мы творенія, и что мы будемъ.*

1. *Что мы?*

Человѣкъ есть существо, многосложное, (Τριμερης ὑποσάσις, пройственный упостасъ) или изъ трехъ различныхъ частей сложенное твореніе, какъ то изъ тѣла, которое есть земная или смертная часть его, изъ души, которая есть часть животная и чувствующая, и изъ духа или мысли, яко изъ разумной и безсмертной его части. (н) Каждая изъ сихъ трехъ частей имѣетъ свою опредѣленную дол-

(н) Я думаю, что сіе ученіе не только по опытамъ, но и по важности своей есть неоспоримо. Оно почти всѣми древними Философами принято было, какъ то Пиѳагорейцами, что можно видѣть изъ Ямвлиха; смотри Protrept. pag. 34. 35. Платониками, какъ то явствуетъ изъ Немезія, Саллюстія, Лаерція; смотри Diog. Laert. l. 3. p. 219. Стоиками, какъ то видно изъ Антонина, которой

должность, и человѣкъ тогда поступаетъ приличнымъ ему образомъ, когда онъ употребляетъ каждую изъ

Б 2 нихъ

торой говоритъ ясно: три вещи принадлежатъ къ человѣку: тѣло, душа и духъ; и естьли по онымъ сдѣлать разчисленіе свойствъ, то чувствіе будетъ принадлежать тѣлу, желаніе душѣ, а умъ духу. Σωμα, ψυχη, νους, σωματος αισθησεις, ψυχης ορμαι, νυ δόγματα, тѣло, душа, духъ, тѣлесныя чувства, душевныя стремленія, законы разума. L. 3. §. 16. L. 2. § 2. L. 12. § 3. Ясно и то, что сіе мнѣніе есть большей части церковныхъ Отцевъ. смотри Irenaeus L. 5. c. 9. L. 2. c. 33. ed. par. Liem. Alex. Strom. 3. p. 542. ed. Ox. Origen. Philocal. p. 8. Ignat. ep. ad Philadelph. ad. calcem. См. также, Ioseph. Antiq. L. 1, c. 2. p. 5. Constitut. Apostol. L. 7. c. 34. Но важнѣйшее всего то, что сіежъ самое утверждаетъ Св. Писаніе, кое, говоря о первоначальномъ образованіи человѣка, упоминаетъ о трехъ различныхъ частяхъ существа его. Быт. гл. 2. ст. 7. *Еврейское*, *Эферъ минъ гаадама*, персть отъ земли, или тѣло: *Еврейское*, *Нефешъ хая*, живая душа, или часть животная и чувствующая, и *Еврейское*, *Нишматъ хаймъ*, духъ, и дуновеніе жизни т. е. духъ, или умная душа. Также и С. Апостолъ Павелъ раздѣляетъ человѣка на (πνευμα ἡ ψυχη, καὶ τὸ σῶμα) духъ, душу и тѣло. 1 къ Солуняномъ гл. 5. ст. 23. и то, что онъ здѣсь называетъ πνευμα то къ Рим. въ гл. 7. стихъ 24. именуетъ νους, которое слово въ такомъ же знаменованіи употребляется и у Антонина. Кто о семъ болѣе желаетъ знать, можетъ видѣть Nemesius de natura hominis cap. 1. и Whiston's Prim. Christ. vol. 4. pag. 262.

Мое

нихъ по приличію ко отправленію собственнаго ея званія, и содержитъ ихъ въ естественномъ подчиненіи. Но не довольно знать о семъ, яко о простомъ только умственномъ размышленіи, а должно намъ слѣдовать мысли сей, и разсмотрѣніе объ оной такъ далеко простирать, чтобъ познаніе о самихъ себѣ практически и при всякомъ случаѣ содѣлать мы могли дѣйствующимъ.

Мы не все тѣло, или просто животныя. Мы видимъ, что мы благороднѣйшаго существа, нежели бездушныя и неразумныя творенія. Мы не токмо что двигаться и свободно дѣйство-

---

Мое о семъ примѣчаніе состоитъ въ томъ, что сіе разсужденіе можетъ служить къ низложенію предразсужденій, коими нѣкоторые заражены касательно до извѣстія, подаваемаго намъ Священнымъ Писаніемъ о таинственномъ образѣ существованія божественнаго существа, коего всякій человѣкъ (сотворенный по образу Божію) нѣкоторой родъ Символа въ трегубомъ раздѣленіи собственнаго своего существа въ себѣ имѣлъ. И когда человѣкъ каждую минуту чрезъ опыты истинною сіе не находитъ, то ему неотмѣнно и св. Писанія о Троицѣ ученіе, толь же сокровеннымъ и не постижимымъ показаться можетъ.

Человѣкъ имѣетъ три части: духъ, душу, и тѣло, и по сему онъ есть образъ Пресвятыя Троицы. Августинъ въ трактатѣ о Символѣ.

ствовать можемъ; но мы сверьхъ того примѣчаемъ въ себѣ способность къ размышленію, къ изученію и разсужденію, также видимъ въ себѣ и различныя дѣйствія духовныя, о коихъ неразумные скоты никакихъ не имѣютъ въ себѣ знаковъ. И такъ души наши должны быть превосходнѣйшаго существа, нежели ихъ души; а изъ возможности размышленія, коими наши одарены, доказывается, что они суть невещественныя сущности, слѣдовательно и по ихъ собственному существу удобны къ безсмертію.

А что души подлинно безсмертны, или что они никогда не умрутъ, о томъ свидѣтельствуетъ намъ С. Писаніе болѣе, нежелибъ потребно было. (o)

И такъ въ слѣдующей бѣсѣдѣ размыслимъ сами о себѣ гораздо важнѣе.

„Обрати взоры твои, о душа моя!
„на протекшія лѣта, увидишь, что

(o) Понеже природа охотно легчайшимъ образомъ отъ одной степени существъ переходитъ къ другой, и понеже Nexus utriusque generis, или союзъ обоихъ родовъ въ различныхъ тварях въ обоюдной природѣ является такъ, что весьма трудно опредѣлить точку окончанія ниж-

„ты была ничто! — И какъ же ты „отъ сего небытія воспрянула? — Са„ма себя произвесть не могла ты; „сіе совершенно не возможно. — Совер„шенно извѣстно, что оное всемогу„щее, самостоятельное и безконечное „существо, сотворшее міръ, и тебя „изъ ничего сотворило. Изъ небытія „въ бытіе тебя призвало; даровало „тебѣ сію возможность разсужденія „и заключенія, нынѣ употребляемые „тобою ко испытанію цѣли и бла„жен-

---

нижняго царства и начало вышшаго, или гдѣ точно кончилось напр. царство растѣній, и начинается царство животныхъ, и сею своею природою, или свойствомъ неодушевленное царство растѣній съ царствомъ животныхъ, и сіе съ царствомъ умнымъ съединяетъ, (см. Nemesius de natura hom. cap. 1. p. 6.) то для чегожъ бы не принять душу животныхъ за союзъ вещественныхъ и невещественныхъ существенностей, или вещества и духа, или за среднее между сихъ обоихъ? Великое несходство существа обѣихъ сихъ субстанцій, т. е. матеріи и духа, сколько я усматриваю, не можетъ быть ни малѣйшимъ основательнымъ противорѣчіемъ въ разсужденіи сего положенія, ежели мы не выводя слѣдствія изъ нашего невѣденія о существѣ духа только то примѣчаемъ, коль близко они другъ со другомъ въ другихъ случаяхъ сходятся, и коль тѣсно въ человѣкѣ соединены.

„женства существа твоего. — Оно-то,
„душа моя, сотворило тебя разум-
„ною и безсмертною. Оно тебя, яко
„въ темницу, въ тѣло сіе заключило,
„въ которомъ способности твои на-
„ходятъ препоны, стремленія твои
„портятся, и свобода твоя изчезла.
„— Оно поставило тебя на свѣтъ сей,
„которой, по всѣмъ обстоятельст-
„вамъ, долженъ назваться состоя-
„ніемъ краткаго наказанія и опытовъ.
„Но по что же оно поставило тебя на
„землѣ сей, имѣя возможность сотво-
„рить тебя свободнымъ, неограничен-
„нымъ и благополучнымъ духомъ?
„— Но укроти мысли сіи. — Они весьма
„близки къ гордому любопытству.
„Нужнѣйшее и важнѣйшее испытаніе
„есть сіе: къ какому концу существо
„сіе тебя здѣсь опредѣлило? и чего
„ожидаетъ отъ времяни твоего здѣсь
„пребыванія? — Какое званіе препору-
„чено тебѣ въ жизни сей, подобной
„ристалищу, на которое взираетъ и
„самъ Подвигоположникъ, и Ангелы
„и человѣки? Подвигъ, коимъ я дол-
„женъ здѣсь подвизатися, безъ сомнѣ-
„нія важенъ, ибо касается вѣчно-

„спи.

„сти. (п) И въ чемъ же иномъ состо-
„итъ оный, какъ не въ томъ, чтобъ
„я жилъ сообразно званію умнаго и
„разумомъ одареннаго существа, и
„чтобъ такъ поступалъ, какъ при-
„лично творенію, къ безсмертію опре-
„дѣленному?

„Скажи мнѣ, о душа моя! (ибо
„теперь я вознамѣрился лучшее съ
„тобою свести знакомство; долго
„ты мнѣ неизвѣстною была; такъ
„должно мнѣ испытать тебя и пред-
„ложить тебѣ нѣкоторые трудные
„вопросы,) скажи мнѣ, доколѣ твои
„желанія будутъ ограничиваться чув-
„ственнымъ удовольствіемъ; чѣмъ
„ты разнствуешь отъ умирающихъ
„скотовъ? Ставши невольницею
„плотоугодія не посрамляешь ли ты
„имъ себя? Не становишься ли ты
„на

(п) Сказываютъ, что одинъ изъ величайшихъ Латинскихъ стихотворцевъ вопрошенъ будучи, для чего онъ весьма старался о точности распоряженія своего стихотворенія, о правильности характеровъ, и чистотѣ въ слогѣ, отвѣтствовалъ: in aeternum pingo, пишу для вѣчности. Когда такъ, то не къ большему блѣнію, и предосторожности въ жизни сей обязываетъ насъ сіе: in aeternum vivo, живу для вѣчности.

„на единую степень съ низшимъ ро-
„домъ существъ, созданныхъ для
„услугъ твоихъ? Хочешь ли посра-
„мить себя, и порицать дѣло рукъ
„Создателя твоего? Помысли о не-
„бесномъ произхожденіи твоемъ; по-
„мысли, что ты духъ. И такъ
„угнѣтай плотскія приманчивыя
„услажденія, и не отваживайся ниче-
„го такого дѣлать, что можетъ
„природное твое величество умень-
„шить, высокое произхожденіе посра-
„мить, и благородную природу твою
„обезчестить. — Но я еще долженъ
„тоже подтвердить. Помысли, гово-
„рю я, о душа моя! что ты безсмер-
„тный духъ. Умираетъ тѣло твое,
„но ты, ты вѣчно пребывать долж-
„на, и твое вѣчное пребываніе полу-
„читъ свойство свое отъ образа тво-
„его поведенія, и отъ привычки, по-
„лученной тобою отъ здѣшняго тво-
„его сообщества съ плотію и кровію.
„Не дѣлай теперь ничего такого, на
„что ты по прошествіи миліоновъ
„лѣтъ съ удовольствіемъ воззрѣшь
„не можешь. Ибо знай, душа моя,
„что ощущеніе бытія твоего, и раз-

„мышленіе о способностяхъ твоихъ „не оставятъ тебя вмѣстѣ съ тѣ- „ломъ твоимъ, но послѣдуютъ тебѣ „и за предѣлы смерти, и будутъ „тебѣ средствомъ или неизглаголан- „наго веселія, или безсмертнаго мученія „въ ономъ разлученномъ состояніи. (р)

2.) *Для достиженія сопершеннѣйшаго познанія себя самихъ, должно намъ стараться сѣдать не тохмо то, что мы есмы*, но и то, *что мы будемъ.* О коль оптмѣнныя *пскорѣ* будемъ мы творенія отъ тѣхъ, каковы мы *нынѣ*! И такъ вперимъ взоръ нашъ въ предняя наша, и станемъ чаще взирать на смерть, не можетъ ли она мракъ онаго прехожденія проникнуть и

(р) Понеже намѣреніе настоящаго разсужденія не есть входить въ тонкое и Философическое изслѣдованіе естества человѣческія души; но то, чтобы людей заставить примѣчать внутреннія дѣйствія и склонности оныя: (что почти есть нужнѣйшая часть самопознанія) и для того желающіе точнѣйшее о ихъ природѣ и происхожденіи получить свѣденіе, и дальнѣйшее познаніе о различныхъ мнѣніяхъ о томъ древнихъ, могутъ читать Nemeſium de Nat. hom. c. I. и Трактатъ, подъ названіемъ the government of the Thoughts Cap. I. и chambers Ciclopaediam подъ словомъ Soul.

и открыть за собою находящееся состояніе. Состояніе сіе сокрыто отъ очей нашего духа, и великій Богъ не благоволилъ уяснить оное толь много, чтобы докучное и испытующее душевное желаніе могло быть удовольствовано познаніемъ онаго. Но мы коль можно употребимъ себѣ въ пользу малый свѣтъ, писаніемъ и здравымъ разсудкомъ надъ симъ темнымъ и важнымъ предметомъ возженный.

„О душа моя! собери расшочен-
„ныя мысли твои и представь себѣ,
„что съ тобою тогда будетъ, ког-
„да ты, яко чистый и безтѣлесный
„духъ, входить будешь въ тотъ міръ,
„въ неизвѣстный тебѣ духовный
„міръ, удерживая при себѣ чувство
„бытія твоего; въ тотъ міръ, въ
„которомъ никакой тѣлесный пред-
„метъ не коснется оку твоему; въ
„тотъ міръ, въ которомъ, любезный
„твой сотоварищь, тѣло, приближить-
„ся къ тебѣ не можетъ, но въ ко-
„торомъ однако же и безъ него бу-
„дешь ты вкушать всѣ чистѣйшія
„удовольствія, или мучительнѣйшія
„всего претерпѣвать страданія. Ког-

„да

„да ты сядешь въ ладію смертную,
„темно будетъ преплаваніе твое, и
„брегъ, на которой пренесена ты
„ею будешь, найдешь ты совсѣмъ
„неизвѣстнымъ и страннымъ. — *Еще*
„*не является то, что мы будемъ*„ (с)

То Откровеніе, въ коемъ благоугодно было Богу открыть людямъ волю свою, было къ тому наиболѣе опредѣлено, чтобъ сдѣлать насъ способными къ будущему блаженству, и приготовить намъ пути къ нему; но не къ тому чтобы оно намъ особливую славу онаго благоденствія изъяснило, или ясно предложило, въ чемъ со-

(с) Ты опредѣленъ къ разлукѣ, о духъ мой! еще мрачныя произшествія, и дальнѣйшія тайны ожидаютъ тебя. Коль ужасная премѣна! коль непонятное изхожденіе! не вѣдаешь, гдѣ и какъ ты будешь. Оставишь ли земное жилище и смертный покровъ твой, не вѣдаешь ты темное гдѣ? Тамъ временность превращается въ вѣчность. Тамъ, исполнь трепета и содроганія, почувствуешь то, чего ты никогда не чувствовалъ. О какова судьба твоя, духъ мой! ужаснись и трепещи. Были ль въ сердцѣ твоемъ смертныя помышленія? Нечудно, ежели и самое дерзновеніе отъ блѣдныхъ содрогается труповъ, и трепещетъ отъ смертныхъ сопутниковъ. Смерти предъидутъ скорби, за нею слѣдуетъ страшный

состоитъ оное. Сіе оставило оно (Откровеніе) величайшею тайною, дабы нашему весьма любопытному изслѣдыванію о свойствахъ оныя славы положить предѣлы; и чтобъ тѣмъ горячѣе мысли наши къ тому обратить, въ чемъ намъ больше есть нужды, *сирѣчь*, къ приготовленію онаго блаженства, и въ чемъ сіе приуготовленіе состоитъ, не можетъ то намъ быти неизвѣстнымъ, ежели только захотимъ мы имѣть довѣренность, или къ нашей Библіи, или здравому разсужденію. Ибо обоя сія увѣряютъ насъ, что *творящее насъ Богоподобными, есть единое средство, дѣлаю-*

шный мракъ. О вы, отшедшіе духи! скажите, скажите, что вы теперь чувствуете, и что мы нѣкогда чувствовать должны, тогда, когда время и міръ отбѣжитъ отъ глазъ нашихъ. Мы вами сохраняемся, сохраните насъ отъ приближенія къ смерти. Скажите же намъ, что есть смерть? Не страшитъ уже васъ неизвѣстность. Желаете ли вы видѣть остатки духовъ оною безъ жалости поглощенными? Когда всемощная рука проведетъ насъ чрезъ юдоль смертную, когда болѣзнь и старость похититъ жизнь? Когда духъ по трепетномъ сраженіи ко брегу приближится, откуды исполненъ ужаса возведетъ очи свои въ вѣчность, и посредѣ страха и надежды, исполнь волнующаго пресмыкающагося любопытства, взираетъ въ сокровенное небо.

лающее насъ способными къ его общенію. — Остановимся здѣсь. Заключимъ величайшее наше стараніе въ томъ, чтобъ *быти спятыми*, *якоже и Онъ спятъ есть.* И тогда, тогда только можемъ мы увѣренными быти въ общеніи съ тѣмъ, *въ его же сѣтѣ мы узримъ сѣть.* И въ чемъ бы будущее блаженство наше ни состояло, но мы тамо будемъ блаженны, и гораздо счастливѣе, нежели какъ мы теперь представить себѣ можемъ; хотя мы и не знаемъ, какимъ то образомъ произойдетъ, ибо Богъ того намъ не открылъ.

Глава III.

О различныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы находимся въ разсужденіи Бога, Христа Спасителя и намъ подобныхъ тпореній.

II. Познаніе самаго себя требуетъ, чтобъ мы проникли въ различныя отношенія, въ каковыхъ мы находимся съ другими существами, также и въ разныя обязанности изъ того произ-

И I.) наше первое и главнѣйшее стараніе есть то, чтобъ мы отношеніе, въ каковомъ мы находимся съ даровавшимъ намъ бытіе, всегда предъ глазами нашими имѣли.

Мы твореніе руку его, и предметы его попеченія. Сила его содержитъ существо, которое произвела его благость. Любовь его доставляетъ намъ благополучіе житія сего, милость же его печется о благоденствіи лучшія для насъ жизни. — Мы не просто его творенія, но умныя и разумомъ одаренныя творенія. Сіе есть преимущество существа нашего, что мы способны познавать сотворшаго насъ, и пребывать въ его общеніи. И яко разумныя творенія Божія находимся мы особливо въ двоякомъ съ нимъ отношеніи, коего частое напоминовеніе къ правильному познанію самаго себя необходимо нужно. Ибо онъ, понеже Творецъ нашъ, то и Царь и Отецъ. И мы, понеже творенія его, то и подданные царства его, и дѣти въ дому его.

I.) Мы, яко подданные его царства, обязаны:

1.) ЗаконамЪ царства его чистосердечно *попинопатъся.* — Преимущества же, одобряющія предЪ нами законы сіи, болѢе нежели всякія человѢческія учрежденія суть многи: — Они уставлены для *пользы* каждаго и всего вообще, и имѢютЪ цѢлію своею споспѢшествованіе какЪ настоящаго, такЪ и будущаго нашего благополучія. — Они свѢтло и ясно провозвѢщены, не трудны кЪ уразумѢнію и крупными и чоткими буквами на сердцѢ каждаго написаны; премудрость, правота и необходимостЪ ихЪ вскорѢ усматривается. — Они впечатлѢваются сильнѢйшими причинами, могущими подвигнуть человѢческое сердце. — И естьли нѢкоторыя изЪ оныхЪ трудны, вЪ такомЪ случаѢ подаетЪ намЪ дѢйствующая благодать Божія руку свою, споспѢшествующую повиновенію нашему и укрѢпляющую насЪ вЪ семЪ послушаніи. Сіи суть преимущества законовЪ БожіихЪ предЪ человѢческими, кои не имѢютЪ вЪ себѢ толикихЪ кЪ снисканію себѢ повиновенія.

2.) Яко подданные его долженствуемЪ мы охотно оказывать наше повиновеніе,

коимъ мы обязаны верьховной его власти. Послушаніе сіе не въ иномъ чѣмъ состоитъ развѣ въ покореніи сердечномъ, при которомъ мы смиренно признаемъ, что мы во всѣхъ случаяхъ раби его, всяческая отъ руку его имѣющіе. Свѣтскіе Государи должны довольствоваться согласіемъ устъ нашихъ и наружнымъ признаніемъ владычества ихъ; ибо они, кромѣ до наружности касающагося, ничего повелѣть не могутъ. Но *Богъ*, зрящій и вѣдящій сердца тварей своихъ, ничего не принимаетъ, что не происходитъ отъ внутренности нашей. Онъ желаетъ поклоненія духовнаго, которое ему и принадлежитъ по высочайшему праву для того, что онъ сотворилъ душу, даровавъ ей способности познавать и покланяться ему. — 3.) Яко вѣрные раби должны мы ему съ радостію платить дань, имъ отъ насъ требуемую. Сія не равняется налогамъ земныхъ царей, по содержанію силы своей столько отъ подданныхъ своихъ зависящихъ, сколько оные зависятъ отъ нихъ въ разсужденіи покровительства имѣній своихъ. Но дань,

Богомъ отъ насъ требуемая, есть дань хвалы и почтенія, въ коихъ онъ не имѣетъ нужды. Ибо могущество его независимо, и честь непоколебима; и онъ безконечно всемощенъ повелѣвать къ чести своей всеобщими чинами. Но мы ему должны естественною данію, яко творенія его. Ибо хвалить его есть возвѣщать хвалу его; прославлять его ничто иное, какъ разширять славу его; почитать его самаго и пути его въ глазахъ другихъ достойными дѣлать почтенія. И такъ какъ сіе есть естественная заплата, коею творенія должны Творцу своему, и коей онъ отъ каждаго изъ оныхъ столько требуетъ, сколько оно по собственному своему дарованію и силѣ въ состояніи заплатить. —

4) Яко послушные раби должны мы съ удовольствіемъ и надеждою подвергнуть себя образу и роду его правленія, какъ бы оно намъ темно, *узлопато* и трудно къ изъясненію ни казалось. Всѣ правительства имѣютъ свои Arcana Imperii, или государственныя тайны, кои рядовые подданные проникнуть не могутъ. И потому

и не могутъ они надлежащимъ образомъ заключать о мудрости, или справедливости нѣкоторыхъ явныхъ учрежденій, понеже не знаютъ ни побудительныхъ причинъ, ниже намѣренія ихъ; также и для того что неизвѣстна имъ годность средствъ, происходящая изъ особливаго положенія вещей въ настоящемъ теченіи. И такъ сколь все сіе справедливѣе въ разсужденіи правленія Божія міромъ, коего премудрость совершенно намъ непостижима, и *его же путіе не суть, яко пути наши.* И посему какъ бы намъ вещи ни казались, но мы, яко послушные раби, должны пребывать спокойными; должны положиться на премудрость и правосудіе Создателя нашего съ такимъ притомъ увѣреніемъ, что Царь и Судія міра справедливо поступитъ. — Впрочемъ 5.) обязаны мы, яко добрые раби царства его служителямъ Божіимъ отдавать должное почтеніе и повиновеніе, а особливо тогда, когда они чистое и непритворное усердіе къ его чести показываютъ; когда они ищутъ не своей собственной пользы, но Господа ихъ. Слу-

ги свѣтскихъ Государей дѣлаютъ сіе очень часто; и сіе было бы счастіе, естьлибъ всѣ служители и посланники небеснаго Царя совершенно чисты пребыли отъ сего обвиненія. — Нѣтъ ничего необыкновеннѣе того, естьли честь земнаго Монарха министрами его оскорбляется. Поруганіе и наказаніе, на нихъ непосредственно возлагаемые, имѣютъ собственною и посредственною своею цѣлію самаго Государя. Сіе таковымъ и признавается. Равнымъ образомъ сіе есть ясной знакъ распутнаго и худомыслящаго о Богѣ и законѣ, естьли кто служителей Евангелія безъ различія предметами посмѣянія дѣлаетъ. Сіе можетъ назваться неприличнымъ поступкомъ вѣрныхъ подданныхъ царства его. — Наконецъ, яко добрые раби обязаны мы дѣлать всевозможное къ споспѣшествованію благу царства его, защищая премудрость правленія его, приводя къ тому другихъ, хотя бы притомъ еще и большія являлись темности и неудобства; избавляя сіи отъ хулы счастливыхъ злодѣевъ и отъ сомнѣнія и страха угнѣтенныхъ пра-

ведниковъ: сіе есть сохранять свойство вѣрнаго раба Царя небеснаго. И кто сію часть своего характера забываетъ, или противно ему поступаетъ, тотъ показываетъ великое о себѣ невѣжіе.

2. *Но яко творенія Божія, то мы не только что подданные царства его, но яко дѣти въ дому его.* И на сіе наше отношеніе и обязанность должны мы прилѣжно взирать, естьли хочемъ достигнуть до истиннаго самихъ себя познанія. Чрезъ твореніе мы его дѣти, и въ семъ разсужденіи онъ подлинно Отецъ нашъ. (т) *И нынѣ, Господи, Отецъ нашъ еси ты, мы же бреніе: ты Творецъ, мы дѣла руку твоею вси.* И въ совершенно особливомъ смыслѣ мы его дѣти по избранію (у). *Вси бо вы сынове Божіи есте, вѣрою о Христѣ Іисусѣ.* — Отсюда слѣдуетъ 1.) Что мы великую имѣемъ обязанность его, яко Отца нашего любить. Дѣтская къ родителямъ любовь основывается на благодарности за полу-

(т) Исаія 64. ст. 8

(у) Гал. 3. ст. 26.

лученныя благодѣянія, за кои никогда отплатить не возможно. Благодарность сія должна сообразоваться благодѣяніямъ. Какаяжъ должность естественнѣе, какъ любить нашихъ благодѣтелей? То какоюжъ любовію и благодарностію должны мы тому, отъ котораго получили мы величайшія благодѣянія, да и самое бытіе, и все то, что къ удовольствію онаго относится? 2) Яко дѣти должны мы почитать его; сирѣчь съ благоговѣніемъ объ немъ и за него говорить, и всего того со тщаніемъ убѣгать, что можетъ обезчестить святое имя и пути его. (ф) *Сынъ славитъ отца*: — *и аще отецъ есмь азъ, то гдѣжъ слава моя?* — 3) Яко Отца нашего должны мы его обо всемъ нужномъ просить. Къ кому дѣти въ скорби и печали прибѣжище свое имѣти должны, кого просить о избавленіи отъ опасности, какъ не отца? — И 4) мы должны столь много надѣяться на его силу, премудрость и на отеческую любовь, что онъ конечно обезпечитъ, защититъ

(ф) Малах. 1, ст. 6.

митъ и все то сотворитъ, что для насъ наилучшее есть. А въ чемъ сіе состоитъ, то вѣдаетъ онъ лучше нашего. Заботиться о будущемъ, быть недовольными и печалующимися объ отвращеніи будущаго зла, находясь подъ покровительствомъ и попеченіемъ небеснаго Отца, не есть поступать прилично сынамъ. Земные отцы не могутъ отвратить всѣ немощи, коихъ они въ разсужденіи дѣтей опасаются, понеже ихъ проницаніе и силы ограничены; но всемогущій и премудрый Отецъ нашъ сіе можетъ. У родителей не достаетъ можетъ быть любви и нѣжности; но у небеснаго Отца въ семъ недостатка быть не можетъ. Ісаія 49. ст. 15. — 5) Яко дѣти должны мы спокойно предаться его судьбамъ, и никакъ не желать проникнуть въ премудрость полныя воли его. Непристойно бы было и непослушливо отъ сына, еже-либъ онъ всегда противился волѣ родительской, сумнѣвался о ихъ мудрости, илибъ повелѣніямъ ихъ не слѣдовалъ для того только, что онъ не можетъ проникнуть въ намѣренія ихъ.

Еще безумнѣе и непристойнѣе такой поступокъ относительно къ Богу, никому о дѣлахъ своихъ отчета не дающему; *его же суды непостижимы, и путіе неиспытанны.* (х) — Наконецъ яко дѣти должны мы съ терпѣніемъ подвергать себя его наказанію. Земные родители могутъ тѣлесно наказывать дѣтей своихъ во гнѣвѣ, или *находя въ томъ свое удовольствіе.* Но небесный Отецъ своихъ дѣтей наказуетъ для ихъ же пользы (ц) и только въ случаѣ нужды (ч) и никогда столь много, сколь заслуживаетъ злоба ихъ. (ш) И такъ пребудемъ во смиреніи и повиновеніи къ отеческому его съ нами поступку. — Вотъ въ чемъ состоитъ дѣтское умствованіе! Таковую мысль мы имѣть должны и наблюдать таковое поведеніе въ разсужденіи Бога, естьли желаемъ показать себя сынами его.

Сіи то суть сугубыя и преимущественныя отношенія, въ которыхъ мы, яко

(х) Іов. 33. ст. 13. къ Рим. 11. ст. 22.
(ц) Къ Евр. 12. ст. 10.
(ч) 1. Петрово посл. гл. 1. ст. 6.
(ш) 1. Ездра гл. 9. ст. 13.

яко творенія, находимся къ Богу. Не поступать вышереченнымъ образомъ есть показывать, что мы объ оныхъ несвѣдущи, или что мы еще недовольно размыслили о нашихъ обязанностяхъ, коими мы ему, яко раби и яко дѣти, обязаны, или, что мы ни Бога, ни самихъ насъ еще не познали. Изъ того видимъ мы, какъ познаніе о себѣ самихъ ведетъ насъ прямо къ познанію о Богѣ. Коль справедливо примѣчаніе умершаго, смиреннаго и достопочтеннаго Богослова, что „тотъ, кто „*себя не знаетъ, не знаетъ и Бога, и слѣ-*„*довательно по всѣхъ* вещахъ невѣжда, и „потому какъ его мудрымъ и благо-„получнымъ назвать можно? (щ)

Но 2.) *къ познанію самихъ себя* есть еще важнѣйшее отношеніе, о которомъ мы часто разсуждать должны, и сіе есть то, *въ которомъ мы находимся со Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ.*

Въ первомъ находились мы со всѣми человѣками вообще; но сіе намъ

(щ) См. Бакстерову дедикацію къ его трактату • преимущественахъ познанія самаго себя.

только, яко Христіянамъ, свойственно и открываетъ намъ новое поле должностей и обязанностей, кои человѣкъ никогда забыть не можетъ, естьли онъ постыднымъ образомъ не забудетъ прежде самаго себя. Яко Христіяне называемся мы учениками, послѣдователями и рабами Христовыми, имъ искупленными.

И I.) яко ученики должны мы отъ сего *быть научаемы*. Мы должны мыслi наши о законныхъ вещахъ единственно почерпать только изъ Евангелія, и никакъ не обращаться къ человѣческимъ заключеніямъ, кои столько же слабы и обманчивы, сколько мы сами. *Не называйте никого учителемъ на свѣтѣ*. Ежели нѣкоторые отличающимися именами, такъ какъ прежде Коринѳяне, называться хотятъ, за что Апостолъ ихъ порицаетъ, говоря: *азъ есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ Кифинъ*, то мы должны памятовать, что мы ученики Христовы, и не въ иномъ какомъ смыслѣ воспоминать о имени его. Дѣйствительно для него оскорбительно, естьли мы хочемъ другимъ чѣмъ отли-

личаться. Въ таковомъ различіи именъ и есть много плотянаго, какъ то извѣстно многимъ честнымъ душамъ; о чемъ никто лучше не научаетъ насъ С. Апостола Павла, коего, противъ воли его, хотѣли сдѣлать начальникомъ таковаго раздѣленія, (Ъ) — *мы же Христовы*; наша должность состоитъ въ томъ, чтобъ сіе высокое названіе чтить согласнымъ съ нимъ житіемъ; и Евангелію его, единственному правилу нашея вѣры, вождю нашея жизни, и основанію надежды нашей, непоколебимо прилѣпиться. Сего ради должны мы претерпѣвать великое презрѣніе и худое о насъ заключеніе развратныхъ и суевѣрныхъ людей.

II. *Мы*, яко Христіяне, *послѣдователи Христовы*, и потому обязаны ему подражать, и итти по примѣру, намъ отъ него предложенному; онъ оставилъ намъ образъ, чтобы слѣдовали мы по стопамъ его; (ы) стараться, чтобъ и въ насъ таже святая надежда была, какую онъ имѣлъ; и чтобъ

(Ъ) I. Корине. III. ст. 4.
(ы) I. Петр. 2. ст. 21.

чтобъ мы оную такимъ же образомъ, какъ и онъ, и въ подобныхъ случаяхъ оказывали. Къ сему онъ насъ призываетъ. Никто иной быть Христіяниномъ не можетъ, развѣ подражатель Христовъ, старающійся непрестанно уподобляться всесовершенному примѣру, намъ отъ него данному.

III. *Мы*, яко Христіяне, *рабы Христовы*; и всѣ должности, коими рабы своимъ господамъ обязаны, должны и мы въ высочайшей степени исполнять предъ нимъ. Онъ желаетъ, чтобъ мы пребывали всегда вѣрны въ служеніи его, усердны и непрестаннобъ простирались къ споспѣшествованію его чести и блага, къ чему мы, по сему отношенію, обязаны, и къ чему призываетъ насъ безмѣрная благодать и любовь его, кою мы не заслужили, и коей безконечно обязаны. — Наконецъ сверьхъ всего сего мы его искупленные рабы; и посему наисильнѣйшую имѣемъ причину его любить, и ему во всемъ вѣрить.

Сіе требуетъ точнѣйшаго изслѣдованія; ибо человѣческая природа съ другой стороны сіе намъ представля-

етъ, на которую мы часто взирать должны, ежели хочемъ познать самихъ себя, т. е. яко изпорченныхъ и прежней образъ потерявшихъ творе-ній. Чувствуемъ мы, особливо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, внутреннее бореніе добраго существа съ злымъ, (что въ Св. Писаніи называется духомъ и плотію) ясно въ самихъ насъ, что кажется не было неизвѣстно разумнѣйшимъ язычникамъ (ь). Сіе есть, говорю я, ясное доказательство, что человѣческая природа пришла въ злое или худое состояніе, (а какъ сіе случилось, о томъ Св. Писаніе пространно насъ наставляетъ) и что она больше уже не такова, какова она съ начала вышла изъ рукъ Создателя. И такъ слова Св. Апостола Павла, цѣлію своею Іудеевъ имѣвшіе, по справедливости обращены быть могутъ на нынѣшнее состояніе человѣческаго рода вообще. Ни одного нѣтъ праведнаго, — *пси уклонишася, пкупѣ непотребни*

(ь) Вредное злое стремленіе намъ бываетъ прирожденно; сіе есть злый источникъ бѣдности и грѣховъ.

ни быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго (ѣ).

Оскорбительная мысль, но нелож-ная истинна, и одна изъ первыхъ въ той наукѣ, о которой мы разсуждаемъ! Весьма нужно намъ имѣть сіе предъ глазами, ежели мы хочемъ быть увѣрены о должности и обязанностяхъ, коими мы должны Христу, яко великому Искупителю. Яко ходатай является онъ къ утѣшенію и ободренію человѣческому при таковомъ ихъ всеобщемъ поврежденіи.

Два плачевныя слѣдствія паденія человѣческаго суть: 1) Что съ самаго дѣтства нашего развращенныя возстаютъ склонности въ душѣ нашей, кои вскорѣ становятся порочными обыкновеніями, ослабляютъ и уклоняютъ насъ отъ повиновенія совѣсти и благому разсужденію. Сіе называется общимъ словомъ *господство грѣховное*. И 2) мы подвергаемся немилости Божіей и наказанію законовъ его, что обыкновенно *проклятіемъ* грѣховнымъ именуется. Нынѣ же, въ раз-суж-

(ѣ) Къ Рим. 3. ст. 10. 12.

суждении обоихъ сихъ, Христосъ, яко *агнецъ Божій, пришелъ взяти грѣхи міра*; сирѣчь отъяти у него дѣйствіемъ благодати господствующую силу, а пролитіемъ за спасеніе крови своея проклинающую его власть; освятитъ насъ духомъ своимъ и оправдатъ смертію своею: первымъ усыновляетъ онъ насъ Богу, а послѣднимъ примиряетъ онъ Бога съ нами; (э) и онъ есть и оправданіе и сила наша. Умеръ онъ, да пріобрѣтетъ блаженство наше, коего мы лишились; низпосылаетъ благодать и Духа своего да сотворитъ насъ способными къ пріобрѣтенному блаженству. Толь совершенно есть спасеніе его! толь точно средство, имъ учрежденное, и принаровленное къ болѣзни, нами на себя

(э) Сими словами не то хочу я сказать, что будто Богъ къ намъ не былъ милосердъ, и совершенно непримирителенъ до тѣхъ поръ, пока онъ страданіемъ сына своего укрощенъ не былъ; ибо въ противномъ случаѣ какъ бы онъ Христа, яко усыновленія нашего жертву, на смерть опредѣлить могъ, ежели бы смерть Христова не была яснымъ доказательствомъ, что Богъ съ нами дѣйствительно примириться хотѣлъ.

себя навлеченной! — „О Ты прехваль-
„ный Спаситель бѣдныхъ и неща-
„стныхъ твореній, коль неизглаголан-
„но велики суть обязанности, коими
„я Тебѣ долженъ! Но, горе мнѣ, толь
„мало я познаю обязанности сіи! Пла-
„чевный знакъ повреждения, обрѣ-
„таемый мною въ природѣ моей, есть
„подлая неблагодарность сердечная,
„дѣлающая меня толь нечувствитель-
„нымъ къ Твоему удивленія достой-
„ному помилованію. До тѣхъ поръ,
„какъ Тебя я не познаю, не могу
„узнать самъ себя: и когда разсуж-
„даю самъ о себѣ, то какъ бы я
„желалъ всегда о Тебѣ мыслить! О
„когда бы вседневное увѣреніе о слабо-
„сти и наказаніи моемъ могло меня и
„съ мыслями моими привести къ Тебѣ;
„и ежели бы каждая о Тебѣ мысль
„воспаляла въ моемъ сердцѣ горячее
„къ Тебѣ усердіе благодарности! О
„божественный состраждущій друже,
„человѣколюбче и Спасителю нашъ„!

Кто по сему называется Христія-
номъ, сирѣчь кто говоритъ, что
Евангеліе Христово признаетъ онъ за
божественное откровеніе, и яко еди-
ное

ное правило вѣры и поведенія своего; но вмѣстѣ и человѣческимъ положеніямъ отдаетъ большее почтеніе, нежели ученію Христову? Кто теряетъ изъ виду своего примѣръ Христовъ, долженствующій оживлять Христіянскую его жизнь, не радитъ о своемъ *служеніи, чести и благѣ*, и ласкается полученіемъ блаженства, не помышляя о заслугахъ и усыновленіи Христовомъ, тотъ забываетъ, что онъ Христіянинъ; — тотъ не мыслитъ въ какомъ онъ отношеніи ко Христу находится, (что составляетъ большую часть его характира) и слѣдовательно впадаетъ въ глубокій ровъ *незнанія самаго себя.*

3) Познаніе самаго себя требуетъ сверьхъ того надлежащее вниманіе къ различнымъ отношеніямъ, въ каковыхъ находимся мы съ твореніями, намъ подобными, и къ должностямъ, оттуда произтекающимъ.

Естьлибъ мы сами себя знали, тобъ помнили о снисхожденіи, благосклонности и любви, коею мы должны къ низшимъ насъ; не забывали бы о благопріятствѣ, дружбѣ, кою мы должны

показывать равнымъ себѣ; помышляли бы о приличномъ почтеніи, униженіи и о чести къ нашимъ начальникамъ, и о томъ чистосердечіи, честности и благонамѣреніи, коими мы вообще всѣмъ обязаны.

Особливыя должности, требуемыя при сихъ отношеніяхъ, толь многочисленны, что объ нихъ здѣсь упомянуть не возможно. Довольно и того, естьли мы скажемъ, что неуважающій различныя отношенія жизни, въ коихъ онъ къ другимъ находится, и нестарающійся наблюдать благопристойность и отдавать всякому свое, что неминуемо сими отношеніями требуется, по справедливости можетъ обвиненъ быть *незнаніемъ самаго себя.*

И сіе само по себѣ толь ясно и всѣмъ извѣстно, что, когда говорится, что кто не съ надлежащею пристойностію ведетъ себя съ своими начальниками, тотъ *не знаетъ самъ себя.* То для чего съ таковою же справедливостію и о тѣхъ не сказать, кои худо обходятся съ подчиненными своими? Я очень знаю, что изрѣченіе сіе не столь часто при семъ случаѣ упо-

употребляется; но не вижу, для чего и сіе обыкновеннымъ и яснымъ доказательствомъ незнанія самаго себя такъ какъ оное не почитается. Въ обоихъ случаяхъ думаю я, что люди обыкли опускать сіе больше въ должностяхъ и въ отношеніяхъ низшихъ себя, нежели тѣхъ, кои выше ихъ, для того, что можетъ быть ихъ удерживаетъ отъ того стараніе угодить вышшимъ себя, и произтечь оттуда могущія пріятныя слѣдствія, и принуждаетъ ихъ отдавать оным надлежащее и ожидаемое ими почтеніе. А понеже ничто сему подобное отъ преступленія должности, коею они обязаны низшимъ себя, ихъ не воздерживаетъ, (и они неудовольствія ихъ не боятся) то при извѣстныхъ воспаленіяхъ они и способнѣе поступить съ ними неприличнымъ образомъ. Ежели благоразуміе и самаго себя познаніе кому говоритъ, гдѣ онъ особливое вниманіе имѣть долженъ, да не нарушитъ должность свою, кою онъ большею частію забывать привыкъ, то онъ также обязанъ, въ разсужденіи обязанностей своихъ къ низ-

шимъ себя, кои онъ по большей части въ опасности находится преступить, тѣмъ сильнѣе прилѣпиться къ онымъ необходимымъ обязанностямъ закона и совѣсти; и ежели кто сего не дѣлаетъ, а попускаетъ себя жаромъ неукротимыя страсти, чрезмѣрной строгости, пиранства и насилія противу тѣхъ воспалятися, коихъ Богъ и природа вручили его власти, тотъ конечно не *знаетъ самъ себя*, не знаетъ собственную свою особливую слабость, неискусенъ въ должности своего отношенія, и говори такой о себѣ, что онъ хочетъ, но не имѣетъ истиннаго понятія о управленіи самаго себя; потому что не достаетъ у него науки управлять самимъ собою; ибо тотъ, кто неспособенъ господствовать надъ самимъ собою, не будетъ никогда умѣть управлять другими.

И такъ, естьли мы хочемъ познать самихъ себя, то должны взирать на себя, яко на творенія, яко на Христіянъ, и яко на человѣковъ, и имѣть предъ глазами своими произтекающія изъ того должности къ Богу, ко Христу, и къ ближнимъ, и

тѣмъ

тѣмъ соблюсти благопристойность тѣхъ отношеній и исполнить обязанности оныхъ.

Глава IV.

Мы должны надлежащимъ образомъ сохранять степень и состояніе, на которое мы Промыслѣніемъ поставлены, и упажать по пристойности, ко украшенію онаго относящееся.

III. Человѣкъ, познающій самъ себя, будетъ уважать и соблюдать тотъ чинъ и состояніе, въ которомъ угодно было Провидѣнію его поставить, также будетъ видѣть, въ чемъ состоитъ званіе и благопристойность сего состоянія; увидитъ, какъ ему проходить должность свою, и какова онъ свойства придерживаться будетъ долженъ; усмотритъ, съ какою пристойностію и умѣніемъ проходитъ онъ званіе свое, или удерживаетъ свой характиръ.

Естьли кто принимаетъ на себя такой чинъ, или входитъ въ такую

должность, коя ему не отвѣтствуетъ, то сіе называется *притворное состояніе.* И отсюду происходитъ, что всякое принужденное состояніе дѣлаетъ весьма смѣшнымъ, и подвергаетъ человѣка всеобщему и должному пренебреженію; потому что оно есть знакомъ невѣдѣнія о самомъ себѣ. Откуду происходитъ, что многіе толь сильно желаютъ почитаемы быть *чѣмъ либо*, не будучи однакожъ *ничѣмъ*; и въ такихъ вещахъ преимущества ищутъ, въ коихъ никакова обрѣсти не могутъ? Откуду сіе, ежели не отъ того, что тѣ вещи пропускаютъ, въ коихъ бы они преимущества сіи имѣть могли? Откуду сіе происходитъ, что они противятся намѣренію природы и предвидѣнію, какъ не отъ того, что они хотятъ быть инымъ чѣмъ, нежели къ чему они назначены? Откуду, говорю, все сіе происходитъ, какъ не отъ того, что не знаютъ они ни себя самихъ, ни состоянія жизни, въ коемъ они находятся, ниже званія и характира собственнаго своего?

Весьма справедливо примѣчаніе, и прекрасно доказательство остроумія одного языческаго нравоучителя. „Онъ „человѣческую жизнь называетъ театромъ, а людей дѣйствующими лицами, представляющими разныя роли, данныя имъ отъ господина, „стоящаго за кулисами, и за каждымъ „изъ нихъ примѣчающаго. Нѣкото„рымъ досталась короткая роль, нѣ„которымъ длинная; инымъ низкая, „а инымъ знатная. Не тотъ схо„дитъ провождаемъ рукоплесканіемъ, „кто игралъ знаменитую ролю, но „тотъ, кто игралъ лучше свою роль. „И такъ должность наша стараться, „чтобъ мы показанныя намъ роли „хорошо играли; не отъ насъ то за„виситъ, какую ролю играть намъ, „не отъ насъ, но отъ Бога (ю) — Но никто не можетъ хорошо играть роли своей, ежели онъ играетъ безъ примѣчанія, ежели не знаетъ онъ, что при

(ю) Житіе есть театръ, не въ томъ состоитъ, чтобъ мы дѣйствовали долго, но чтобъ хорошо. — Не то хорошо, чтобъ жить, но то, чтобъ жить добродѣтельно.

при игрѣ прилично, и тѣмъ меньше, естьли онъ ту ролю хочетъ играть, кою не опредѣлила ему природа. *Недостатокъ въ познаніи о самомъ себѣ* всегдашнею причиною, что люди несходно поступаютъ съ своимъ характиромъ, (свойствомъ).

Естьли ты въ низкомъ состояніи находишься, то знай, что Провидѣніе зоветъ тебя къ прилѣжанію, спокойному житію, ко смиренію, терпѣнію, надеждѣ и ко смиренномудрому на него увѣренію. Такимъ образомъ живучи просіяешь ты въ низкомъ твоемъ состояніи и будешь любезнымъ предъ Богомъ и человѣки; и не только любезнымъ, но и безопаснымъ, и довольнымъ, и сильнѣйшимъ надъ собою господиномъ, нежели тѣ, кои обрѣтаются въ возвышенномъ состояніи, изъ котораго они свергнутыми быть ежечасно страшатся.

Естьли же Провидѣніе призвало тебя представлять знаменитое лице, въ которомъ ты полезнѣе свѣту быть можешь; тогда первое твое стараніе да будетъ примѣромъ твоимъ поощрять къ добродѣтели. И тогда процвѣтай преимущественно

въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои наиболѣе украшаютъ состояніе твое: какъ то въ благосклонности, любви, благоразуміи, умѣренности, въ твердости и въ непорочной честности; вооружи душу твою неустрашимою бодростію къ низложенію всѣхъ препятствій, да постигнешь тѣ намѣренія, коихъ ты видишь и возможность, и надежду, и коихъ пользу для рода человѣческаго ты въ сердцѣ своемъ ощущаешь.

И понеже познаніе самихъ насъ скажетъ намъ, какое званіе проходить мы въ жизни нашей должны, то сіе же познаніе покажетъ намъ, кому и въ чемъ подражать намъ должно. Не должны мы примѣры поведенія снимать съ тѣхъ, коимъ опредѣлены другія званія; развѣ только въ томъ, что вообще служитъ ко украшенію и къ подражанію. Естьли мы противнымъ образомъ поступимъ, то покажемъ принужденное наше состояніе и слабость, и сдѣлаемся презрительными, ибо поступимъ неприлично нашему характиру; что пристойно одному, то другому неприлично и смѣшно. Мы не должны *слѣпо* и тѣмъ послѣ-

довать, кои состоятъ съ нами въ одинакомъ чинѣ, и одного съ нами характира, но въ тѣхъ только вещахъ съ ними соглашаться, кои сходны съ характиромъ; ибо не должно смотрѣть на лице, но на характиръ, и столько лицу подражать, сколько оно сходно дѣйствуетъ съ своимъ характиромъ.

Предосторожность сія касается наипаче до молодыхъ людей, у коихъ въ обычаѣ слѣпо слѣдовать ихъ начальникамъ, а особливо тѣмъ, кои въ томъ званіи, къ коему они призваны, имѣютъ нѣчто особливое; юноши, по недостатку въ прозорливости постигнуть пристойное, слѣдуютъ самимъ слабостямъ своихъ начальниковъ. Пристрастіе къ особѣ оныхъ заставляетъ ихъ почитать недостатки совершенствомъ, почему становятся они вдвое смѣшными: первое потому, что поступаютъ несходно съ своимъ характиромъ; второе, что они простосердечно и рабски въ тѣхъ вещахъ подражаютъ, въ которыхъ и тѣ ошибаются. И такъ, чтобъ съ пристойностію удерживать намъ свой характиръ, должно соображаться единственно-

ственно собственной нашей осторожности.

Кратко сказать: понеже никто во всѢхъ вещахъ успѢть не можетъ, то должны мы взирать, какое званіе проходить намъ прилично въ томъ состоянїи, въ которое поставило насъ Провидѣніе, и оставаться при ономъ, какоебъ оно ни было, стараясь принести пользу.

Глава V.

Каждый человѣкъ должень собственныя свои дарованія и способности точно знать, и умѣть употреблять, и поупышать ихъ наилучшимъ образомъ.

IV. Не можно о томъ сказать, что знаетъ онъ себя, ежели онъ точно не вѢдаетъ своихъ *дарованій* и *способностей*; ежели онъ не знаетъ на какой конецъ онъ ихъ получилъ, и какимъ образомъ наилучше возвысить ихъ и употребить къ тому намѢренію.

Благоразумной и самъ себя познающій человѣкъ вмѣсто того, чтобы стре-

стремиться къ тѣмъ дарованіямъ, коихъ онъ не имѣетъ, старается употребить на доброе тѣ, кои у него во власти; поелику Провидѣніе подаетъ ему къ тому случай, въ которомъ онъ полезнѣйшимъ быть можетъ.

Какъ прежде Духъ Божій къ созиданію церкви служителямъ оныя раздѣлилъ разныя духовныя дарованія, см. къ Кор. I. гл. 12. ст. 8. 10. такъ и нынѣ угодно Богу награждать человѣковъ разными естественными дарами къ пользѣ общества. И каждый имѣетъ собственный свой даръ отъ Бога; *отъ убо сице, отъ же сице.* I. Кор. гл. 7. ст. 7. И каждый долженъ искать дарованія Божія, кое въ немъ, не выпускать его изъ примѣчанія своего, но возбуждать его. I. Тим. гл. 4. ст. 14. II. Тим. гл. 1. ст. 6. Ибо оно на то и дано ему, чтобъ онъ его употреблялъ, и не только за злоупотребленіе, но и за пренебреженіе онаго отвѣтъ дастъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ рѣшеніе о неполезномъ ономъ рабѣ, скрывшемъ въ платѣ свой мнасъ: см. у Лук. 19. ст. 20. 24. и о томъ, кой пошелъ и

скрылъ

скрылъ свой талантъ въ землю. См. у Мат. гл. 25. ст. 25. 30.

Весьма есть то знакомъ великаго о себѣ самомъ невѣдѣнія, естьли кто себя выше считаетъ, нежели должно, или то предпринимаетъ, что мѣшаетъ ему произвесть и случай, и способность. И для того благоразумный человѣкъ прежде разсуждаетъ самъ съ собою, нежели предпріемлетъ, довольно ли у него способностей къ произведенію, и исполненіе послужитъ ли къ его чести, да не падетъ подъ бременемъ предпріятія своего и да не привлечетъ на себя справедливое попреканіе въ скоропостижности, тщеславіи и суемысліи. См. Лук. 14. ст. 28. 32. (я).

Нѣтъ

(я) Положи мѣрило устамъ твоимъ, и примѣняйся къ оному, какъ въ самыхъ величайшихъ, такъ и въ самыхъ малѣйшихъ дѣлахъ. Ювен. сат. 11.

Долго размышляйте о томъ, что вы можете принять на себя и чего нѣтъ. Гор. объ искусствѣ стих.

При всякой вещи прежде разсуждайте, потомъ предпринимайте, тогда испытайте собственную вашу способность, и смотрите, удобны ли вы предпріять дѣло сіе. Enchir. cap. 36.

Нѣтъ ничего необыкновеннѣе, какъ то, что нѣкоторые воображаютъ, что превосходя другихъ въ одномъ, превзойдутъ и въ другомъ. Недовольны будучи достоинствами, отъ каждаго имъ приписуемыми, стремятся и къ тѣмъ, кои имъ не принадлежатъ. Почто Риторъ хочетъ почитаемъ быть за Стихотворца? Для чего славный Богословъ хочетъ присвоять себѣ достоинство Политика, и благоразумный мужъ старается быть остроумнымъ? Сія слабость, произтекая отъ *непѣдѣнія* о *самомъ себѣ*, часто великимъ мужамъ пріобщается. Природа рѣдко соединяетъ всѣ дарованія въ одномъ человѣкѣ, но раздѣляетъ оныя бережливою рукою. — Иной извѣстную уже славу свою затмилъ сею слабостію (ѳ).

Глава

(ѳ) Не всѣ все могутъ. Виргилій.

Цецилій, славный учитель грамматики, въ Сициліи жившій во времена Августовы, и написавшій трактатъ о *позпъшенномъ*, (которой хулится Лонгиномъ) былъ мужъ скоропостижнаго и отважнаго духа, преступающаго во всякихъ случаяхъ предѣлы посредственности; а паче въ сравненіи Демосѳена съ Цицерономъ

выше

Глава VI.

Мы должны вѣдать немощи наши и тѣ вещи, въ которыхъ мы отъ природы недостатокъ имѣемъ, также знать, въ чемъ мы предъ другими преимуществуемъ.

V. Для достиженія совершеннаго о самихъ себѣ познанія должны мы взирать не только на *даропанія* и *способности* наши, но также и на *погрѣшности* и *недостатки*, дабы могли усматривать, въ чемъ наша *слабость* и въ чемъ *сила*. — Въ противномъ случаѣ мы подвергаемся, подобно Сампсону, безчисленнымъ искушеніямъ и безпокойствамъ.

Каждый имѣетъ свои недостатки; каждый благоразумный человѣкъ знаетъ оные, и конечно сугубое прилагать будетъ стараніе о исправленіи оныхъ.

Бла-

выше мѣры вознесся. На что Плутархъ сдѣлалъ разумное и чистосердечное примѣчаніе: ежелибъ всякому удобно и обычайно было познавать самаго себя, тобъ вѣроятно, что изрѣченіе *познай самаго себя* не считалось божественнымъ.

Благоразуменъ тотъ, кто умѣетъ скрывать свои слабости; но сего прежде нельзя исполнить, пока ихъ не узнаешь, а узнать ихъ не можно, не достигнувъ высочайшей степени въ наукѣ *познанія самаго себя.*

Удивительно, коликаго труда нѣкоторымъ людямъ стоитъ обнажить себя предъ другими, оказать свои глупости, и предъявить цѣлому свѣту такія вещи, коихъ бы постыдились сами они, ежелибъ думали, что они одни только ихъ имѣютъ; но ето такъ. Нѣкоторые и такихъ вещей спыдятся, кои имъ служатъ къ славѣ; а другіе напротиву того и постыдныя свои дѣла похваляютъ. См. Филиппис. г. 3. ст. 19.

Величайшая слабость человѣческая состоитъ въ томъ, что обнаруживаетъ онъ собственныя свои слабости, и что пріятно ему, естьли люди объ нихъ знаютъ. Суетность къ тому приводитъ человѣка. Тотъ, кто своихъ способностей не знаетъ, предпринимаетъ дѣла, превосходящія силы и прозорливость его; чѣмъ предъявляетъ онъ свѣту ко вреду своему двѣ вещи,

умомъ, сердце имѣешь неукротимое. Ибо силы разума и разсудка или смышленія его подаютъ ему великую помощь къ обузданію страстей его. И ежели онъ, не смотря на то, имъ покаряется, то показываетъ, что онъ или пренебрегаетъ природный свой талантъ, или оный во зло употребляетъ, и охотно предаетъ себя тиранству лести и страстей своихъ, хотя природа и снабдила его силами, посредствомъ коихъ конечнобъ онъ улучилъ легчайшую побѣду.

Разумный человѣкъ имѣетъ свои слабости и глупый также. Разность только въ томъ, что слабости умнаго ему очень извѣстны, и отъ свѣта сокрыты; слабости же другова извѣстны свѣту, но отъ него сокрыты. Мудрый зритъ свои преступленія, но другіе ихъ видѣть не могутъ; глупый слѣпъ и не видитъ въ своемъ характирѣ недостатковъ, кои всѣмъ въ глаза мечутся. Изъ сего явствуетъ, что *познаніе самаго себя* дѣлаетъ главное различіе между умнаго и глупаго, естьли слово сіе примется въ моральномъ смыслѣ.

Глава

о коихъ никто прежде не зналъ, сирѣчь свои *недостатки*, и *незнаніе о самомъ себѣ*; ибо чрезъ то заключить можно, что онъ слѣпъ въ разсужденіи обоихъ сихъ.

Ложно судятъ (хотя и очень часто), что порокъ во нравѣ имѣть не такъ стыдно, какъ имѣть порокъ въ разумѣ. Ибо не составляетъ дѣйствительнаго стыда, или порока человѣку то, что не имѣетъ онъ великаго разума, толькобъ онъ не имѣлъ тщеславія почитать себя великимъ мужемъ; (что также бы смѣшно было, какъ и то, естьлибъ человѣкъ малорослый и безсильный хотѣлъ представлять исполина), разума сами себѣ мы дать не можемъ. Но недостатокъ во нравѣ можетъ всякой исправить, толькобъ старался познать его, и надлежащимъ образомъ примѣтить. И потому доброй славѣ нашей болѣе вредитъ господствующая надъ нами слабость сердечная, или неукрощенная страсть, нежели слабость разума или прозорливости. — Но болѣе всего относится къ стыду человѣческому то, что при обладаніи великимъ раз-

Глава VII.

О познаніи нашихъ грѣховъ, недостатковъ и темперамента.

VI. Познаніе самаго себя показываетъ человѣку, какимъ онъ особливо грѣхамъ подверженъ, и открываетъ ему не только что смѣшное, но и то, что грѣшно въ его поведеніи и бытіи.

Наружныя дѣянія человѣка обыкновенно намъ наияснымъ образомъ сказываютъ, каково внутреннее его мыслей расположеніе. И изъ извѣстныхъ грѣховъ житія его можно узнать владычествующій порокъ его нрава. Естьли онъ подверженъ піянству и гнусному сладострастію: то слѣдуетъ, что чувственность есть господствующій вкусъ его. Естьли покоренъ мщенію и жестокости: то гнѣвъ и злоба царствуютъ въ его сердцѣ. Ежели онъ наглъ, дерзокъ и смѣлъ: то видно, что честолюбіе есть тайная его пружина. Естьли онъ коваренъ и льстивъ, и обращается въ плутовствѣ и обманахъ: то мо-

жно заключитъ, что основаніемъ нраву его служитъ злобная лесть. И сіе тайное мыслей расположеніе заслуживаетъ наказаніе по мѣрѣ преступленія границъ разсудка и добродѣтели, происходящаго отъ внѣшнихъ оныхъ дѣяній.

Каждый человѣкъ имѣетъ нѣчто особливое въ своемъ нравѣ, кое столько же его означаетъ, сколько и особливое свойство тѣла его. И обоя сія, т. е. свойственныя ему нравственныя и тѣлесныя качества, дѣлаютъ его не только къ одному роду грѣховъ склоннѣе, нежели къ другому, но производятъ и исполненіе иныхъ добродѣтелей удобнѣе, нежели другихъ. (v) И

(v) *Люди*, въ разсужденіи тѣлъ своихъ и тѣлесныхъ похотѣній, другъ другу нарочито подобны; но въ разсужденіи душъ своихъ, склонностей и похотѣній, часто такъ другъ отъ друга разнствуютъ, какъ будто они совсѣмъ особаго рода творенія; управляемы они толь различными намѣреніями, подкрѣпляемы толь разными удовольствіями, оживляемы толь различными надеждами, движимы толь разными причинами, и различаются другъ отъ друга толь отмѣнными нравами и склонностями какъ будто

И такъ тѣ грѣхи, къ коимъ люди имѣютъ сильнѣйшія склонности, и тѣ восхищенія, коимъ они наислабѣйшимъ образомъ противится могутъ, не несправедливо ихъ *сложенія грѣхами* называются. Они также имянуются *особлипыми ихъ грѣхопаденіями*; Священное Писаніе называетъ

будто бы они не одного рода. И сіе такъ, что я почти думаю, что между Ангеломъ и мудрымъ и лучшимъ человѣкомъ не великая есть разность, или между діаволомъ и скверпѣйшимъ и безбожнѣйшимъ человѣкомъ; естьли примѣтить нравъ и склонность ихъ, то такая разность, какая между сихъ рода людей съ другими человѣками. Меня заставляетъ такъ мыслить то, что когда я примѣчаю, какими легкими путями всегда грядетъ природа, когда она переходитъ отъ одного порядка, или чина существъ къ другому (такъ какъ я прежде примѣтилъ), и то, что когда я размышляю о ужасномъ различіи, являющемся между разныхъ видовъ человѣческаго рода почти во всѣхъ вещахъ, касающихся до душъ ихъ. Ибо есть люди, коихъ, какъ нѣкто говоритъ, натура, кажется, нарочно развращенными сотворила; они повреждены въ ихъ мыслепроизводствахъ, безумны въ заключеніяхъ, непорядочны въ дѣяніяхъ, и въ учрежденіи нрава своего порочны. И напротивъ, въ другихъ находимъ все то любви достойнѣйшее и изящное, что человѣка при несовершенствѣ смертности украсить и возвысить можетъ.

ваетъ ихъ собственною ихъ злобою, Псал. 18. ст. 13. и такими грѣхами, *кои къ нимъ всегда прикопаны.* Евр. 12. ст. 1.

„Равно какъ съ соками тѣле-
„сными случается: одинъ имѣетъ пере-
„вѣсъ, то же случается и съ по-
„роками нрава; ибо и здѣсь одинъ
„имѣетъ власть, надъ нами господ-
„ствуетъ, и владѣетъ нами. Сей
„главный порокъ въ согрѣшающемъ
„тѣлѣ то, что сердце въ нашемъ
„естественномъ животѣ или тѣлѣ;
„онъ первой начинаетъ жить, и
„умираетъ послѣдній. Пока живетъ,
„даетъ всему согрѣшающему тѣлу и
„жизнь и бодрость; а когда уми-
„раетъ, то съ нимъ же умираетъ и
„грѣховное тѣло. Онъ тотъ грѣхъ,
„къ которому естественная наша
„склонность насъ устремляетъ, къ
„которому обстоятельства нами
„руководствуютъ, и котораго при-
„вычка дѣлаетъ насъ рабами; грѣхъ,
„предъ которымъ не только наши
„добродѣтели, но и пороки наши
„вѣтрилы свои опускаютъ и смиря-
„ются; грѣхъ, который мы, естьли

за-

„забудемъ Бога и совѣсть, всякими „изобрѣтенными лукавствами и тон- „костями извиняемъ и сокрываемъ. „Но естьли мы съ чистымъ сердцемъ „призовемъ Бога и совѣсть напо- „мнимъ, то сперва ему противимся, а „наконецъ побѣждаемъ. Однимъ сло- „вомъ, сей есть тотъ грѣхъ, кото- „рой господствуетъ въ невозрожден- „номъ, и которой часто и возрож- „денныхъ (о естьлибъ сего болѣе „мнѣ уже не говорить!) мучитъ, и „нарушаетъ покой ихъ.„ (a)

Иные болѣе склонны къ грѣхамъ плотскимъ, какъ то: къ чув- ственности, невоздержанію, нечисто- тѣ, лѣности и къ чрезвычайностямъ скотскихъ удовольствій. Иные на- противъ того къ грѣхамъ духов- нымъ: къ гордости, злобѣ, скупо- сти, любочестію, гнѣву, мщенію, ненависти и пр. И я увѣренъ, что мало такихъ, кои бы, по точномъ изслѣдованіи самихъ себя, не нашли себя подверженными одному которо- му изъ сихъ грѣховъ болѣе, нежели

(a) См. D. Lucas Predigten, Vol. I, p. 151.

всѣмъ вообще. Нѣкоторые чаще примѣчаютъ сіе въ другихъ, не видя того сами въ себѣ. И естьли кто владычествующаго надъ собою грѣха не знаетъ, то пребываетъ въ великомъ о самомъ себѣ невѣдѣніи. Сіе означаетъ, что онъ цѣлую жизнь провелъ не входя самъ въ себя; ибо того не знаетъ, что до него принадлежитъ и о чемъ ему всякой, побывшій съ нимъ полчаса времени, скажетъ. Опісюду произходитъ та великая слабость, что попрекаютъ другимъ тѣмъ самимъ порокомъ, въ которомъ они можетъ быть еще больше погрязаютъ. Что С. Апостолъ *Павелъ* хулитъ въ посланіи къ Рим. гл. 2. стп. 1.

Правда, досадно и непріятно быть собственныхъ своихъ дѣлъ обвинителемъ, изыскивать собственные свои пороки, и обращать взоръ свой на то, чего видѣть безъ стыда и огорченія не можно. Сіе подобно тому, когда старую рану разбередишь; но лучше разтрогать рану, нежели допустить ее до гніенія. Раны въ совѣсти, также какъ и въ тѣлѣ, худо залечить воз-

возможно, естьли не испытаешь ихъ до основанія; а сего безъ боли дѣлать не льзя. Человѣкъ, упражняющійся въ испытаніи самаго себя, не долженъ сердиться, ежели и худое о себѣ свѣдаетъ (б).

И такъ не закрывай очи твои отъ любимаго грѣха твоего, или трепещи открывать его. Для чего ищешь ты сокрыть, или извинить его, и оспа-вляешь змѣю сію висѣть во груди твоей и лобызать сердце твое? — „Нѣкоторые дѣлаютъ съ своими грѣ-„хами тоже, что нѣкоторыя жен-„щины съ своими лицами. Когда уже „поблекла красота ихъ, то стараются-„ся онѣ сокрыть сіе отъ себя ложь-„ными зеркалами, а отъ другихъ ра-„зными притираньями. Подобнымъ „образомъ многіе ищутъ сокрыть грѣ-

(б) О прегорестное состояніе! естьли посмотрю въ самаго себя, не могу себя терпѣть: ежели не посмотрю, то не могу познать себя. Ежели проникаю въ самаго себя, устрашаетъ меня собственный взоръ мой; естьли не проникаю, тяготитъ меня собственное осужденіе. Естьли взираю на себя, мерзость вижу нестерпимую, естьли не взираю, такъ смерть неизбѣжна. Анзельмъ.

„хи свои отъ себя ложными толкова-
„ніями, а отъ другихъ извиненіями,
„или ложнымъ видомъ добродѣтели.„
Но сей есть величайшій обманъ, ка-
кой только они себѣ сдѣлать могутъ
(в). Кто сокрываетъ грѣхи свои, тотъ
не будетъ счастливъ. Самое опасное
ласкательство давать грѣхамъ хоро-
шія имена, дабы сокрыть чрезъ то
существо ихъ. Положи лучше руку на
сердце твое, и *положи ее за* (г) *пазуху*
себѣ, чтобъ она, ежели вынешь, чи-
ста была какъ снѣгъ (подобно Мои-
сеевой) (д).

Чтобы

(в) Притчей гл. 28. ст. 13.
(г) Исход. IV. ст. 6.
(д) Познаніе грѣховъ есть первый шагъ къ испра-
вленію: ибо невѣдущій о согрѣшеніи своемъ
не допуститъ обличать себя. И такъ вы дол-
жны сперва узнать себя, и потомъ исправить
себя можете. Нѣкоторые пороками своими
хвастаются, такъ можете ли вы вздумать,
чтобъ имъ пришло на умъ исправляться тогда,
когда они пороки свои ставятъ на мѣсто добро-
дѣтели? И такъ порицай себя сколько мо-
жешь; испытывай себя сколь можно точнѣе. Пре-
жде будь собственнымъ своимъ обвинителемъ,
потомъ судіею, и наконецъ челобитчикомъ, и
скрѣпя сердце, причиняй тебѣ сію скуку. Сенека
кис. 28.

Чтобы узнать гнѣздящіеся въ нѣдрахъ нашихъ грѣхи, такъ посмотримъ, какіе суть тѣ въ мірѣ предметы, или увеселенія, кои приносятъ намъ наиболѣе удовольствія. Сіе приведетъ насъ конечно прямымъ путемъ къ откровенію крыющагося въ упробѣ нашей грѣха; и посмотримъ, какія суть должности, проповѣдуемыя намъ Божіимъ Словомъ, и опіъ коихъ мы наиболѣе отвращаемся. Сіе конечно поможетъ намъ открыть обременяющіе насъ грѣхи, чего мы безъ изслѣдованія не примѣтимъ. И симъ способомъ можемъ мы успѣть въ знатной части *познанія самихъ себя.* (e)

Гла-

(e) Великое то доказательство исправленія, есть-ли видишь пороки свои, кои прежде неизвѣстны были. Сенека въ пис. 6.

Господствующій въ человѣкѣ грѣхъ обыкновенно происходитъ отъ господствующей надъ нимъ страсти, надъ которой должно ему строгое имѣть смотреніе, и которой свойство и сила весьма прекрасно описана недавно умершимъ Англинскимъ стихотворцемъ. Читай Опытъ о человѣкѣ Попія, письмо II.

Всѣ страсти прелестью своею привлекаютъ,
Которую онѣ вездѣ распространяютъ.

Но

Глава VIII.

Познаніе о нашихъ опаснѣйшихъ искушеніяхъ къ познанію самаго себя необходимо нужно.

VII. ЧеловѢкъ, знающій самъ себя, знаетъ и то, что наиболѣе прельщаетъ его, и вѣдаетъ, когда и при какомъ обстоятельствѣ онъ предъ собою проступиться можетъ.

Читателъ! естьли ты хочешь познать самъ себя, такъ долженъ ты къ сему употребить все свое изысканіе;

Но только не равно въ насъ впечатлѣнья ихъ,
Мы и въ предметахъ зримъ различность чувствъ своихъ:
Едина страсть себѣ другую покаряетъ.
Чему Мойсеевъ жезлъ примѣръ намъ здѣсь являетъ,
Какъ симъ другихъ волхвовъ зміи поглощены,
Такъ страсти главною бываютъ снѣдены.
Въ природѣ корень ихъ привычка напаяетъ,
А остроуміе ихъ нѣжитъ и питаетъ;
Нашъ разумъ въ пламѣ ихъ сильнѣйшій жаръ творитъ.
Онъ крылья ихъ перитъ, верхи ихъ главъ острить.
И какъ лучь солнечный сквозь уксусъ проницаетъ,
Люшѣйшу остроту чрезъ то въ немъ умножаетъ.

ніе; а естьли ты сего никогда не дѣлалъ, то остановися, ежели прочелъ главу сію, и сдѣлай сіе теперь. Помысли, въ какой бесѣдѣ удобнѣе лишаешься ты власти и господства надъ собою; при какихъ случаяхъ склоненъ ты быть тщеславнѣйшимъ, и больше неосторожнымъ, больше горячимъ и скоропостижнѣйшимъ. Убѣгай сего общества, убѣгай случаевъ, ежели хочешь чистую сохранить совѣсть. Что наиболѣе похищаетъ время и спокойствіе твое? Естьли хощешь надлежащимъ образомъ первое употребить въ пользу, и сохранить второе, такъ о таковой потерѣ сожалѣть будешь, и случаевъ къ тому столько убѣгать будешь, сколько дороги, преисполненной разбойниковъ.

Особливо же долженъ ты примѣчать случаи, руководствующіе тебя обыкновенно къ любимымъ твоимъ порокамъ. Берегись того источника, изъ котораго они произтекаютъ, и обстоятельствъ, имъ благопріятствующихъ. Неминуемо происходятъ они отъ твоего сложенія или темперамента, дѣлающаго тебя къ нимъ склонным.

нымъ. И по сему таковой темпера-
ментъ, или таковое хотѣніе должно
охраняемо быть, яко опаснѣйшій
постъ съ великимъ бдѣніемъ. И слу-
чаевъ, и обстоятельствъ, благопріят-
ствующихъ таковымъ твоимъ склон-
ностямъ, долженъ ты сердечно осте-
регаться, яко сильнѣйшихъ твоихъ
искушеній, остерегаться и убѣгать
ихъ. Ибо средство къ низложенію
грѣховной склонности есть во пер-
выхъ то, чтобъ убѣгать извѣстныхъ
случаевъ, поджигающихъ оную, и
второе, чтобъ первыя ея укрощать
побужденія (ж). И когда сія склон-
ность не сыщетъ случая, то вскорѣ
потеряетъ силу свою, и не одержитъ
обыкновенной своей побѣды.

Вѣрнѣйшее средство къ побѣжде-
нію есть иногда удаленіе отъ сраже-
нія; ослабѣетъ непріятель, бродя
тщетно за тобою. Не счастливѣе
Фабій употребилъ военную сію хит-
рость противу Аннибала; сколько
удач-

(ж) Началъ зла берегись; тогда ужъ поздно изцѣлиться, Какъ твердо корень въ насъ пороковъ укрѣпится.

удачно воспользуется ею Христіянинъ противу своихъ собственныхъ пороковъ, только бъ наблюлъ прилѣжно всѣ свои преимущества. Опасно доходить до сраженія съ сильнѣйщимъ тебя непріятелемъ, или стать въ такое положеніе, изъ котораго никаковой нѣтъ надежды безъ вреда выпти.

Въ разсужденіи *познанія самаго себя, и господства надъ собою*, весьма важно, естьли знать всѣ дороги и пути грѣховные, и примѣчать, гдѣ мы къ нимъ весьма часто приближаемся, и естьли ввѣрять стражу разсудку и совѣсти надъ тѣми пролазами, надъ тѣми обыкновенными лазѣями пороковъ, отъ которыхъ, ежели попадешь въ нихъ, не скоро освободишься.

„Всегда нужна осторожность, „особливо же нужна она при первыхъ „нападеніяхъ. Ибо тогда легче опибить „непріятеля, естьли мы его никогда „къ себѣ допускать не будемъ, а „тотчасъ, какъ онъ приближится, „устроимъ свои войски, и выдемъ съ „нимъ сразиться внѣ стана. — Ясно, „что

„что надлежитъ и съ разными искуше-
„ніями поступать также, и прилѣжно
„примѣчать, какимъ образомъ и
„сколь близко они къ намъ прибли-
„жаются. — Первое, что мыслямъ
„представляется, есть простое толь-
„ко помышленіе; сія бездѣлица воз-
„растаетъ и становится живымъ
„представленіемъ; сіе возвышается
„чувственнымъ удовольствіемъ; по-
„томъ слѣдуютъ злыя вожделѣнія; а
„когда сіи укоренятся, то ничего
„болѣе уже не достаетъ кромѣ согла-
„сія воли, и дѣло сдѣлано. Первые
„шаги къ оному по видимому не
„заслуживаютъ нашего вниманія, и
„для того на нихъ не смотрятъ
„такъ, что непріятель часто уже
„вблизи находится, да и прошелъ всѣ
„преграды, а мы еще объ немъ и
„слуху не имѣемъ (з).

Какъ есть у человѣковъ особли-
вые грѣхи, легчайшими способами
ихъ прельщающіе: такъ есть у нихъ
и особливыя искушенія, легчайшими
способами ихъ побѣждающія. Одному
вели-

(з) Stanhope's Thomas à Kempis p. 22.

великимъ искушеніемъ быть можетъ то, что для другова ничто; и естьли кто не знаетъ, какія предстоятъ ему искушенія, тотъ долженъ быть весьма несвѣдущъ въ упражненіи заниматься самимъ собою.

Какъ коварный врагъ человѣческій ищетъ людей постепенно свести ко грѣху: такъ вводитъ онъ ихъ мало помалу и въ искушенія. Какъ онъ даетъ грѣху иной видъ: такъ и искушеніямъ, зная совершенно, что ежели хотя однажды опасность грѣховную увидишь, то будешь ее остерегаться. Естьли мы хотимъ основательно познать самихъ себя, то должны не только вѣдать о нашихъ обыкновенныхъ искушеніяхъ, дабы непримѣтнымъ образомъ не впасть во грѣхъ, но должны намъ свѣдомы быть и предшедшіе слѣды искушеній нашихъ и пріуготовившія ихъ обстоятельства; ибо на вещи, вводящія насъ во искушеніе, также взирать надлежитъ, какъ и на самыя искушенія, потому что и онѣ непосредственно насъ ко грѣху приводятъ. И человѣкъ, знающій самъ себя,

себя, будетъ остерегаться столько же отдаленныхъ отъ него искушеній, сколько и близкихъ къ себѣ: на пр. видитъ онъ, что сообщество съ гнѣвливымъ есть для него искушеніемъ, (какъ то и Соломонъ почитаетъ въ Притчахъ гл. 22. ст. 24. 25.) то онъ не токмо сего сообщества, но и тѣхъ случаевъ убѣгать будетъ, при коихъ ему можно не быть съ симъ гнѣвливымъ человѣкомъ. И конецъ молитвы *Отче нашъ* обязываетъ человѣка быть осторожнымъ сколько противу искушеній, столько и въ самыхъ искушеніяхъ. И никто не можетъ сердечно просить Бога, да не введетъ его во искушеніе, естьли самъ не возметъ труда убѣгать онаго.

Глава IX.

Познаніе самаго себя открываетъ тайныя сердечныя предубѣжденія.

VIII. Въ познаніи самаго себя второе важно то, чтобъ *знать* собственно

ственныя свои предубѣжденія, или тѣ тайныя предпаритєльныя помышленія сердца своего, кои хотя глубоки и сокровенны такъ, что едва ли могутъ быть примѣтны, но со всемъ тѣмъ часто толь сильны и толь великій перевѣсъ имѣютъ, что полную и непримѣтную власть берутъ надъ нравомъ нашимъ.

Не знаю ни одного обстоятельства, при которомъ бы познаніе о самомъ себѣ являлось въ превосходнѣйшемъ сіяніи, какъ при семъ. И какъ сей кругъ содержитъ въ себѣ существо предлагаемыя мною матеріи, и есть тотъ, на которой люди рѣдко обращаютъ вниманіе, соразмѣрное важности его, то съ позволенія твоего, читатель мой, буду я говорить о немъ нѣсколько подробнѣе. На сіи предубѣжденія взирать можно въ разсужденіи нѣкоторыхъ мнѣній, въ разсужденіи особъ, и въ разсужденіи вещей.

1.) Касательно до нѣкоторыхъ мнѣній. Извѣстное сіе примѣчаніе вы-

разилъ очень хорошо одинъ изъ славныхъ писателей такимъ образомъ:

Мы вступаемъ въ міръ съ такимъ малымъ началомъ познанія, возрастаемъ съ толикими остатками суевѣрія и невѣжества; бесѣды, обыкновенія и пріятное удовольствіе и пр. толь великое имѣютъ надъ нами дѣйствіе, что неудивительно, естьли привыкаютъ люди къ единообразному размышленію, что сія привычка со временемъ укрѣпляется и утверждается; и такимъ образомъ сердца облекаются въ толь густыя предразсужденія, чрезъ которыя лучь истинны, или свѣтъ разума, едва проникнуть можетъ (и).

Нѣтъ человѣка, которой бы не былъ прилѣпленъ болѣе къ однимъ, нежели къ другимъ мнѣніямъ въ Философіи, Политикѣ, или Религіи, т. е. ежели онъ мыслилъ о наукахъ сихъ. Слѣдуетъ испытать вопросъ сей: какъ мы доходимъ до сихъ заключеній? Отъ чего прилѣпляемся мы къ особливымъ симъ мнѣніямъ? Надлежа-

(и) See Religion of nature delin. pag. 129.

лежащимъ ли образомъ мы къ нимъ достигли, или насильно мы ихъ получили отъ тѣхъ, кои воспользовались нашимъ легкомыслiемъ тогда, какъ мы еще и разсуждать не были въ состоянiи? Сiе весьма вѣроятно; ибо впечатлѣнiя, получаемыя нами въ нѣжной юности нашей, возрастаютъ съ нами, и мы всего меньше печемся освободиться отъ нихъ. Но какъ бы мы ихъ ни получили, все должны испытывать ихъ на оселкѣ здраваго разсудка, правильнаго разсужденiя, и яснаго Божественнаго Писанiя. Естьли онѣ не выдержатъ строжайшаго сего опыта, то надлежитъ оставить ихъ, яко не истинныя и подложныя положенiя, въ кои ввели насъ обманчивый видъ и сходство ихъ со истинною.

И понеже разумъ и Священное Писанiе могутъ обнаружить предубѣжденiя наши, то онѣ одни могутъ намъ способствовать оныхъ избавиться. По сей единственно нитѣ, отринувъ всѣ прочiя правила, всѣ другiе виды свѣта, учреждать обя-

заны мы всѣ наши мнѣнія о вещахъ, до закона касающихся.

Но надлежитъ остерегаться судить о Священномъ Писаніи и о разумѣ по понятіямъ нашимъ, и симъ подвергать оныя: что послужитъ единственно ко укрѣпленію предразсудковъ и отнюдь не ко искорененію оныхъ. Ибо, что безъ помощи чрезмѣрныхъ метафоръ и риторическихъ ухватокъ ясно доказано быть не можетъ, то должно намъ уже быть подозрительно.

Одинъ изъ церковныхъ Учителей сказалъ: что не любитъ онъ плутовства въ Богословіи. Но

2.) Человѣкъ обыкновенно или возстаетъ противу однихъ, или другихъ одобряетъ, съ предубѣжденіемъ взираетъ на однѣ мнѣнія, а другія не пріемлетъ. И тоже предразсужденіе, которое заставляетъ его съ людьми поступать не по разсудку, велитъ ему опровергать и мнѣнія, не слѣдуя же разсудку.

На примѣръ: какая тому причина, что мы не можемъ себя принудить равную всѣмъ людямъ оказывать любовь, а къ иному болѣе, и къ другому

меньше оную чувствуемъ? Причина тому: сходство во вкусѣ и во нравѣ; или нѣчто такое въ поступкахъ сихъ особъ, которое ласкаетъ нашей суетности; или нѣчто трогающее наше воображеніе; или ихъ обхожденіе, разумъ нашъ исправляющее; или причиною тому то, что отъ природы есть люди плѣняющаго нрава; или благодѣянія полученныя, или впредь уповаемыя; или нѣкоторыя превосходныя или изящныя сердечныя ихъ свойства, нами въ нихъ познаваемыя; или ничто изъ сказанныхъ, и по неизвѣстной намъ самимъ причинѣ однихъ мы любимъ больше, а другихъ меньше. Таковыя изслѣдыванія покажутъ намъ, сообразно ли достоинству мы любимъ и почитаемъ; или любовь и почтеніе наше произходитъ отъ нѣкотораго невольнаго дѣйствія инстинкта, слѣпаго предубѣжденія, а можетъ быть еще отъ чего худшаго.

Такимъ же образомъ поступать мы должны и въ разсужденіи неблагосклонности нашей, или недоброжелательства, каковое мы иногда къ кому получаемъ. Естьли мы хотимъ познать са-

самихъ себя, то и сіе должны мы реченнымъ образомъ испытывать, и усматривать не только мнимую, но истинную причину неблагосклонности или любви нашей, и видѣть справедливость оныя. — Видѣть, различествуетъ ли образъ мыслей другаго человѣка съ моимъ, и отличаютсяль его поступки и разговоры отъ моихъ словъ и дѣлъ, и слѣдовательно мнѣ не нравятся? Или и въ самомъ дѣлѣ я имъ обиженъ или поруганъ? Положивъ такимъ образомъ выдетъ, что мое къ нему недоброжелательство произходитъ будетъ изъ одной отъ сихъ причинъ, и болѣе отъ моего безумнаго къ нему предубѣжденія, нежели отъ его въ разсужденіи меня порока.

Ибо, что надлежитъ до образа его мыслей, словъ и дѣлъ, то можетъ быть онѣ правильнѣе, нежели мои мысли, разговоры и поступки, и привычка одна виною, что я собственныя мои предпочитаю его. И хотя бы и несправедливы его мысли, дѣла и слова были, но можетъ быть онъ не имѣлъ равнаго со мною пре-

имуще-

имущества и средствъ къ изощренію своего разсудка, къ исправленію своего поведенія, слѣдовательно пороки его извинительны. А можетъ быть еще, что онъ украшенъ такими превосходными дарованіями, каковыхъ и я не имѣю. — „Но онъ не только что „невѣжа, и худыхъ нравовъ, но „тщеславенъ до крайности, надменъ „и кичливъ.„ — Да можетъ быть онъ въ томъ невиноватъ. Его природа тому виною. И по сему онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, а не гнѣва. И ежелибъ я отъ природы былъ подобнаго ему нрава, то при возможномъ стараніи о исправленіи самаго себя не успѣлъ бы ничего. А сверьхъ того естьли не могу я избрать таковаго человѣка въ число своихъ пріятелей и собесѣдниковъ, то не долженъ оказывать ему недоброжелательства, но обязанъ о немъ, яко о несчастномъ, сожалѣть и за него молиться, и благодарить Бога, что я неподверженъ равному съ нимъ несчастію. — „Но онъ не видитъ погрѣшностей своего сложенія, и кажется, „что и видѣть не хочетъ. — „Такъ,

но тѣмъ болѣе онъ несчастливъ, и слѣдовательно тѣмъ большаго достоинъ сожалѣнія.

Что до другихъ причинъ недоброжелательства касается, какъ на пр. „Онъ частыя мнѣ дѣлалъ обиды„ то сперва посмотримъ.

1) *Имѣлъ ли онъ подлинное намѣреніе обидѣть?* Не приписываешь ли ты злобѣ то, что единственно нраву приписывать ты долженъ? Часто находятъ тамъ дѣйствіе, гдѣ не было причины. Не почитаю ли я себя обиженнымъ прежде, нежели меня еще хотѣли обидѣть. Въ такомъ случаѣ виноватъ я, а не онъ, и негодовать долженъ на себя, а не на него (i). — Впрочемъ,

2) *Не поострилъ ли я самъ его къ тому, зная его сложеніе?* И такъ я же и въ етомъ виноватъ. Я зналъ, или могъ знать, врожденную его гордость, горячесть его и его развратность,

---

(i) Не допускай сердца твоего воспаляться бездѣльною обидою, ибо сіе означаетъ гордую душу и безуміе; доброе сердце и просвѣщенный разумъ должны быть вмѣстѣ. Смертный удобно заблуждаетъ: будь великодушенъ, прощай какъ Богъ.

ность, такъ для чего же огорчалъ его? Хотящій безъ всякой нужды раздразнить льва не долженъ уповать такъ легко отъ него отдѣлаться, какъ герой Ламанхской. — Но

3) Положимъ, что я не наступательно дѣйствую, однакожъ можно спросить какъ я очутился съ нимъ имѣть дѣло? Кто меня ввелъ во искушеніе? Онъ съ своей стороны поступилъ по своему сложенію; но я не соображался съ правилами здраваго разсудка, подавая ему къ тому случай; я зналъ его, такъ для чегожъ я его не убѣгалъ, какъ такого звѣря, которой по природному своему стремленію ищетъ вредить? Ежели я стану дразнить рукою осу, то какъ мнѣ осердиться, ежели она ее ужалитъ? Естьлижъ

4) Не могъ я убѣгать бесѣды его, *то для чего не остерегался?* Для чего подвергся таковой опасности не вооружившись? Или

5) Положимъ, что онъ меня и вправду, и не за дѣло обидѣлъ, да и безъ всякаго моего предъ нимъ проступка, и не имѣя отъ меня ни малѣйшаго поощренія, такъ не умножаетъ ли сіе моей чувствительности?

сти? Не огорчительно ли сіе болѣе мнѣ, нежели кому другому? Или столько ли огорчительно будетъ, когда уже сердце пройдетъ? — И (наконецъ) вообще, развѣ я прощать никого не долженъ? Какъ же мнѣ быть въ состояніи творить молитву *Отче нашъ*, и читать на оную толкованіе Спасителево у Ев. Мат. гл. 6 ст. 14, 15, съ непримиримыми устами и сердцемъ? Не надѣюсь ли я, что мнѣ отпустятся десять тысячь талантовъ; а я слугѣ своему не могу отпустить тритцати грошей? Не знаю, раскаялся ли онъ, и простилъ ли его Богъ, въ прощеніи коего я несравненно большую имѣю нужду, нежели самой злѣйшій мой непріятель имѣетъ надобность въ моемъ прощеніи (к). Тако-

---

(к) Нѣкто меня презираетъ: что же? Естьлибъ онъ еще болѣе узналъ меня, тобъ можетъ быть еще болѣе презиралъ. Но я себя знаю лучше, нежели онъ знать можетъ, и для того самъ себя я болѣе презираю. Но естьли бы презрѣніе его въ семъ случаѣ и не было основательно, тобъ въ другомъ за то уже весьма основательно было. И для того я не только

пер-

Таковыя размышленія весьма полезны ко укрощенію предубѣжденій нашихъ о многихъ, и ко откровенію истиннаго ихъ источника, также и къ удержанію худыхъ отъ оныхъ слѣдствій.

Коль счастливъ былъ бы Христіянинъ, естьлибъ хотя половину тѣхъ прекрасныхъ изреченій памятовалъ и употребилъ бы въ свою пользу, кои го-

---

терпѣть оное долженъ, но и прощать. Contemnendus est, ipse contemptus, говоритъ Сенека. Но за презрѣніе платить презрѣніемъ приличнѣе Стоику, нежели Христіянину.

Разумнымъ и остроумнымъ назвали отвѣтъ, данный нѣкоторымъ Философомъ другу его, совѣтовавшему отмстить за сдѣланную обиду. „ „ Какъ, говорилъ онъ, ежели оселъ меня ногою „ ударитъ, то не ужели и мнѣ повсюду его „ за ето бить?„ Можетъ быть въ семъ отвѣтѣ болѣе остроты, нежели премудрости. Кажется, что будто заключается въ немъ дѣйствительно нѣкоторое великодушіе, но не показываетъ ли также гордости и высокомѣрія. Мы должны учиться у Всесвятаго нашего Іисуса Христа, которой не токмо кротокъ, но и смиренъ. Намъ должно обиды прощать, а о слабостяхъ сожалѣть, но не не любить враговъ нашихъ, или презирать ихъ. Любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ. См. Scougal's о должности любить враговъ нашихъ.

говаривалъ всегда изящный Языческій Императоръ и Философъ Маркъ Антонинъ. Изъ оныхъ нѣкоторые я предложилъ въ примѣчаніяхъ моихъ въ пользу читателя (л).

3.)

(л) Поутру не забудь сказать самъ себѣ: сегодни встрѣчусь я съ грубымъ, неблагодарнымъ, сварливымъ, обманчивымъ, ненавистнымъ и страннымъ человѣкомъ. Всѣ сіи дурныя его свойства произходятъ отъ невѣдѣнія различить худое съ добрымъ. И понеже я такъ счастливъ, что усматриваю естественную красоту добраго дѣла и скверность худаго; и понеже оскорбляющій меня человѣкъ мнѣ близкій родственникъ; ибо хотя не отъ одной крови и не изъ одной фамиліи со мною рожденъ, но въ разсужденіи души единаго со мною, сирѣчь Божескаго, произхожденія. И наконецъ понеже я увѣренъ, что мнѣ никто дѣйствительнаго оскорбленія учинить не можетъ, потому что никто меня принудить не можетъ сдѣлать дурное дѣло. По симъ причинамъ не могу ли я себя побѣдить и его не ненавидѣть, или на него не злиться. Марк. Ант. разм. кн. 2 §. 1.

Ты хочешь проститься со свѣтомъ, а еще не научился быть каждому другомъ, и не знаешь, что одно есть средство быть мудрымъ, по есть, что надобно сдѣлаться сперва честнымъ человѣкомъ. Кн. 4 § 37.

Желать невозможнаго есть глупость. А вѣдь не возможно, чтобъ злые люди не дѣлали худыхъ дѣлъ. Кн. 5 § 17.

Пре-

3.) Мысли наши очень часто предубѣждены бываютъ въ противность, или нѣкоторыхъ вещей и дѣлъ, или хо-

---

Преимущество человѣческія природы передъ скотскою состоитъ въ томъ, чтобъ любить тѣхъ, кои насъ оскорбляютъ. Помысли 1) что обидящій тебѣ близко съ родни. 2) Что онъ за тѣмъ такъ и поступаетъ, что лучше поступать не знаетъ. 3) Что можетъ быть у него и на мысли нѣтъ тебя обидѣть. 4) Что вы оба вскорѣ оставите міръ, а особливо 5) что тебѣ никакова стыда онъ не приноситъ; ибо твой разумъ есть тотъ же, каковъ и прежде былъ. Кн. 7. §. 22.

Помни послѣдній часъ, и не отомщай за пороки другому, оставь его до того мѣста, гдѣ будутъ отдавать отчетъ за оные. Кн. 7. § 29.

Воздавай худымъ людямъ не такъ, какъ они воздаютъ, и не обходись съ ними такъ, какъ они съ другими людьми обходятся. Гл. 7 §. 55.

Боги безсмертны: и такъ сколько тысячь лѣтъ сносятъ они беззаконія міра сего, но что еще больше, они пекутся о немъ по премногу: а ты не хощешь, составляя въ ономъ цѣломъ частицу, сойти съ театру, становишся нетерпѣливымъ, хотя и ты также безсмертенъ. Кн. 7. § 70.

Не огорчайся никогда, ибо досаждать тебѣ не престанутъ, хотя бы ты съ сердцовъ лопнулъ. Кн. 8. § 4.

Исправляй того, кто охотно обижаетъ, естьли можешь: естьлижъ не можешь, то знай, что тер-

ходатайствуютъ за оныя такъ, какъ и за нѣкоторыхъ людей и ихъ мнѣнія. Не

терпѣніе для того тебѣ и дано, что бы сносить досады; что и Боги съ таковыми имѣютъ терпѣніе и имъ даруютъ иногда здоровье, честь и благополучіе Кн. 9 § 11.

Естьли люди худо съ тобою обходятся, пренебрегаютъ тобою, и тебя порочатъ, то посмотри въ ихъ малыя души, испытай ихъ внутренняя, и изслѣдуй разумъ ихъ: такъ увидишь, что тебѣ мысли и слова ихъ ни малѣйшаго безпокойствія причинить не могутъ. Кн. 9. § 27.

То для человѣка наилучшее, что пошлетъ ему Богъ, и то время лучшее, въ которое Онъ посѣщаетъ насъ печалію. Кн. 10. § 2.

Иногда трудно быть увѣрену, подлинно ли мы обижены, или нѣтъ; ибо дѣла людскія часто являются хуждшими, нежели они суть въ самомъ дѣлѣ: и прежде, нежели можемъ справедливо заключать, должны мы быть знающи о многихъ вещахъ. Кн. 11. § 18.

Разсуди, сколь чаще вредитъ тебѣ гнѣвъ и досада твоя, нежели самыя тѣ вещи, кои тебя раздражаютъ. Кн. 11. § 18.

Ежели ты думаешь, что тотъ-то проступился, то скажи самому себѣ: почему я знаю, что онъ проступился? но положимъ, что онъ и согрѣшилъ, то совѣсть его уже угрызаетъ, и слѣдовательно онъ уже самъ собою наказанъ. Кн. 12. § 16.

Къ

Не находишь ли иногда, что съ нѣкоторыми мѣстами, временами и упражненіями соединены скучныя, непріятныя воображенія, причиняющія въ насъ тайное отъ оныхъ отвращеніе? Сіи происходятъ отъ напамятованія нѣкоторыхъ непріятныхъ случаевъ, прежде съ нами случившихся, и впредь въ подобныхъ же обстоятельствахъ случиться могущихъ, при всемъ нашемъ стараніи. Но часто они ничто иное, какъ только одно ложное представленіе воображенія, которое должно истреблять; ибо оно можетъ насъ до того довести, что мы забудемъ должность нашего званія.

Когда примѣтишь за собою тайное отвращеніе отъ нѣкотораго исправленія должности, и когда сердце

Къ сему присовокупляю я еще два мѣста изъ Священнаго Писанія, кои суть большаго уваженія, нежели всѣ сіи приведенныя разсужденія. Прит. XIX. ст. 11. Милостивъ мужъ долготерпитъ. И ему похвалою служитъ не смотрѣть на проступки. Рим. XII. 20. 21. *Аще убо алчетъ врагъ твой, ухлѣби его. Аще ли жаждетъ, напой его; сіе бо творя угліе огненно собираешь на главу его. Не побѣждень бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.*

Bayerische Staatsbibliothek München

начинаетъ помышлять о извиненіи и о причинахъ къ оному, да оправдитъ небреженіе, тогда размысли съ прилѣжаніемъ о вещи: поди къ источнику таковаго нехотѣнія, и открой, что именно то, что въ душѣ твоей причиняетъ отвращеніе, вещь ли самая, или поступокъ твой, или нѣкоторыя опасныя обстоятельства, съ оными соединенныя, или непріятныя слѣдствія, кои можетъ быть изъ онаго послѣдовать могутъ, или находишь себя на тотъ разъ къ исполненію неудобнымъ. Ибо все сіе можетъ находиться единственно въ твоемъ воображеніи; а настоящую должность пропускать ради сего есть дозволить собою править химерѣ, а не тому, что въ самомъ дѣлѣ въ насъ находится; воображенію, а не разуму, и болѣе склонности, а не совѣсти.

Собери всѣ обстоятельства, могущія устрашать тебя, и поставь ихъ на опаснѣйшую сторону, чтобъ загородить себѣ дорогу къ извѣстной должности, на пр. „Ето трудно, къ се„му не достаетъ у меня способности; „по крайней мѣрѣ сего теперь не хо„чет-

„чется; а сверьхъ того сіе соединено „съ опасностію моей особы, чести, „или спокойствія; и препятствія, кои „мнѣ встрѣчаются, весьма велики.„ Но не смотря на сіе спроси самъ у себя: ясно ли видишь ты званіе промысла? Сіе дѣло сущая ли есть твоя должность? Таково ли оно, что разумъ твой, совѣсть и Священное Писаніе, твой чинъ, состояніе, или личныя твои обязательства требуютъ исполнить его? Ежели оно таково: то всѣ вышеупомянутыя причины или доводы тщетны и обманчивы. И тебѣ ничего болѣе не остается, какъ вооружась бодростію въ надеждѣ на Божію помощь, взяться за то дѣло съ усердіемъ и ревностію, наилучшимъ и благоразумнѣйшимъ образомъ; и вѣрь, что большая тягость состояла только въ искушеніи, и самъ увидишь, что сіи страшныя явленія изчезнутъ подобно соннымъ видѣніямъ; ибо были они одни только выдумки воображенія, которое изъ блохи слона, и изъ агнца льва дѣлаетъ; и что только лѣность, безуміе и нерадѣніе возбудили оную къ отвлеченію тебя отъ испол-

ненія ясно предписанныя твоей должности. Сердце хотѣло обмануть тебя, но ты увидѣлъ обманъ и не попалъ въ сѣти его (м).

Впрочемъ положимъ, что дѣло уже совершилось. То какими глазами ты на него смотрѣть будешь? Увидишь, что тебѣ хотя великаго труда оно стоило, но не награжденъ ли ты преизобильно за оный внутреннимъ удовольствіемъ, внупреннимъ спокойствіемъ, происходящимъ отъ того, что ты справедливо поступилъ? Напротиву того подумай, коль тяжело попреки собственныя твоея совѣсти угнѣтать тебя будутъ, естьли ты свободнымъ образомъ пропустишь исполнить явную и необходимую твою должность; хотя сіе и большее безпокойство тебѣ сдѣлаетъ, сколько прудыі, кои бы ты имѣть могъ при исполненіи. И благоразумный человѣкъ будетъ дѣлать рѣшенія свои всегда по

(м) Мудрые и благоразумные мужи побѣждаютъ трудности; ибо сжавъ сердце оныя низлагаютъ. Лѣность и безуміе устрашаются при взорѣ на трудъ и опасность, и ищутъ невозможности, коей они опасаются, говоритъ Рове.

по предмету вещи, или по таковому о ней представленію, какъ бы уже она совершена была.

И напротивъ, естьли чувствуешь сильное стремленіе къ особливому дѣлу, испытывай оное съ таковымъ же безпристрастіемъ. Можетъ быть оно таково, что ни разумъ, ни совѣсть твоя оправдать его совершенно не могутъ. Всякая побудительная къ тому дѣлу причина живо представляется, и всякое уклоненіе напротивъ того малымъ. Чувство и желаніе бываютъ тогда сильны и неукротимы и хотятъ взять верьхъ, а разсудокъ между тѣмъ тщетныя дѣлаетъ возраженія. — Но не отвращай слуха твоего отъ чистосердечнаго сего и дружелюбнаго совѣтника, когда онъ тихимъ и скромнымъ гласомъ говоритъ къ тебѣ слѣдующія правильныя слова: „Выслущай отъ меня хотя единое „слово. Дѣло сіе дѣйствительно не „прилично твоему состоянію, и я „никогда его не назову добрымъ. Удо„вольствіе, отъ него произойти имѣ„ющее, большимъ тебѣ кажется, не„жели есть въ самомъ дѣлѣ; ты

„самъ себя конечно обманешь. Теперь „тебя обольщаетъ ложный видъ: и „что ты самъ тогда думать будешь, „когда оно пройдетъ, естьли толь„ко правильно объ немъ размыслишь? „Повѣрь только мнѣ, ты будешь то„гда желать взять лучше меня въ „твои совѣтники, нежели враговъ „моихъ, твоихъ страстей и похотѣ„ній, толь многократно тебя прель„стившихъ, вѣдая самъ совершенно, „что я тебя никогда не обманывалъ.„—

Таковые и подобные симъ краткія, на досугѣ размышленныя разсмотренія о натурѣ и слѣдствіяхъ дѣлъ и поступокъ прежде, нежели оные нами приняты или отвержены, предохранятъ насъ отъ многихъ неправильныхъ заключеній и поступокъ, и мало по малу истребятъ предразсужденія, воображеніемъ въ мысляхъ нашихъ утвержденныя; научатъ дѣлать различіе между вещей и видами оныхъ, отнимать у нихъ ложныя представленія, часто насъ прельщающія, полагать узду на жи-вость воображенія, и давать власть разсудку.

Прежде

Прежде нежели я распространюсь о семъ пунктѣ, долженъ еще примѣтить, что нѣкоторыя сильнѣйшія наши предразсужденія произходятъ отъ надмѣрнаго самолюбія, или отъ чрезвычайнаго благоизволенія къ собственному своему великому проницанію и разуму. *Филаптъ* при всякомъ случаѣ показываетъ, коль онъ доволенъ собственною своею премудростію, которая въ немъ и производитъ то, что онъ сноситъ не можетъ никакова прекословія, и дѣлаетъ его на всѣхъ тѣхъ сердитымъ, кои осмѣливаются въ противность его мыслямъ дѣлать о вещи заключеніе. Онъ лучше желаетъ остаться въ заблужденіи, нежели отстать отъ мыслей своихъ и заставитъ страдать его проницаніе; онъ не мыслитъ, что его чистосердечіе и разсудокъ отъ такого упрямства гораздо больше теряетъ. Совершенное его на самаго себя надѣяніе ослѣпляетъ его въ разсужденіи тѣхъ несовершенствъ, которые всякой, кромѣ его, видѣть можетъ. Какъ бы то ему разумно, чистосердечно,

дружелюбно, учтиво и пристойно ни представлялъ; но онъ все думаетъ, что сіе произходитъ отъ злаго твоего сердца, или невѣжества, но отнюдь не отъ его недостатка, или порока.

Помню я, что Сенека разсказываетъ примѣчанія достойный примѣръ, уясняющій весьма сію матерію. — Онъ къ другу своему Луциллію пишетъ тако: „Жена моя удерживаетъ Гарпасту еще при себѣ, которая, какъ вы сами знаете, представляетъ въ семьѣ нѣкотораго рода дуру, и намъ въ немалое есть отягощеніе. Я съ моей стороны ни малѣйшаго не нахожу удовольствія въ сихъ странныхъ скотинахъ. Когда я хочу забавляться дуракомъ, то мнѣ за нимъ ходить недалеко. Я могу смѣяться самъ надъ собою. Сія глупая дѣвка лишилась глазъ, и (что почти невѣроятно покажется, однакожъ самая правда) она не знаетъ про себя, что слѣпа; но всякую минуту проситъ свою маму, чтобъ она ее водила, и говоритъ, что домъ весьма теменъ. — Но те-

„теперь примѣчаете ли вы, что то,
„что мы осмѣиваемъ въ сей бѣдной
„дѣвкѣ, случается со всѣми нами.
„Никто про себя не знаетъ, что
„онъ скупъ, или ненасытенъ. Съ
„тою только разностію, что слѣпые
„ищутъ вожака, а мы охотно безъ
„путеводителя по странѣ заблу-
„жденія странствуемъ. Но для чего
„мы такъ себя обманываемъ? Бо-
„лѣзнь не внѣ насъ, но глубоко въ
„сердцѣ нашемъ водружается. И
„тѣмъ труднѣе исцѣленіе, что не
„знаемъ больны ли мы (н).

Глава X.

О необходимости и средствѣ познанія своего темперамента.

IX. Вторый важный пунктъ познанія самаго себя есть знаніе той господствующей страсти, или нравственной склонности, которая обыкновенно то составляетъ, что мы

(н) Senec. epist. 51.

называемъ человѣческимъ сложеніемъ, или темпераментомъ.

Различіе темпераментовъ главнѣйше кажется происходитъ отъ различныхъ степеней вліянія страстей на умъ нашъ. На пр. когда страсти стремительны и скоро въ комъ возбуждаются, тогда говоримъ мы, что тотъ человѣкъ *горячаго* сложенія; когда же оныя въ комъ лѣниво и не скоро воздымаются, то называемъ такого человѣка, что онъ *холоднаго* сложенія. И естьли гнѣвъ, злоба или честолюбіе берутъ верьхъ, тогда называемъ его *жестокимъ*, *злобнымъ* или *гордымъ*. Дѣйствіе такихъ страстей, какъ то: любви, сожалѣнія и добросердечія дѣлаетъ *любезный*, *соболѣзнующій* и *учтивый* темпераментъ, и когда всѣ страсти въ надлежащемъ находятся равновѣсіи, и тихій и пріятный дѣлаютъ перевѣсъ, тогда дѣйствіе сіе производитъ то, что мы называемъ добросердечнымъ человѣкомъ. И такъ перевѣсъ, или господствіе особливой страсти составляетъ свойство темперамента каждаго человѣка, чрезъ которое онъ отличается и за

которое онъ другими любимъ и почитаемъ, или пренебрегаемъ и оставляемъ бываетъ.

А въ чемъ оный темпераментъ состоитъ, весьма скоро примѣтятъ тѣ, съ кѣмъ мы обходимся. Они скоро видятъ недостатки нашего сложенія и по немъ располагаютъ свои поступки. Естьли они благоразумны и благонравны, то будутъ остерегаться коснуться щекотливой твоей стороны, о которой они знаютъ, и прикосновеніе къ которой непріятной звукъ дѣлаетъ въ ушахъ нашихъ. Когдажъ они непріятели наши, тогда они нарочно сіе будутъ дѣлать, чтобъ насъ довести до мученія. Мы должны иногда лучшимъ нашимъ друзьямъ дозволять тихонько касаться слабостямъ нашимъ пріятной шуткой, или чистосердечнымъ напоминаніемъ.

Тотъ знаетъ себя весьма мало, кто не вѣдаетъ господствующей своей страсти, или собственнаго своего нрава, которой всѣмъ, кромѣ его, извѣстенъ. Но коль обыкновенно сіе о самомъ себѣ невѣдѣніе! Оба Апосто-

лы

лы Іаковъ и Іоаннъ впали въ порокъ сей тогда, когда они думали показать стремительное усердіе къ чести учителя своего; и для того онъ и сказалъ имъ: *или не пѣсте, коего духа есте вы.* Лука гл. 9. сіи. 55. то есть: что въ нихъ тогда господствовалъ духъ гордости, мщенія и жестокости, а не спремленіе, происходящее отъ любви и чистосердечнаго усердія; господствовалъ, а они о томъ не вѣдали; что Апостолъ Іоаннъ, котораго нравъ являлся быть всегда любовію и дружественностію, подпалъ подъ сіе обвиненіе, служить можетъ примѣчанія достойнымъ примѣромъ, колико трудно человѣку узнавать всегда какова онъ духа; и что та страсть, которая кажется меньше прочихъ владычествуетъ надъ его нравомъ въ немъ, при нѣкоторыхъ случаяхъ нечувствительно наказанія заслуживающее господство получать можетъ.

Необходимость имѣть совершенное познаніе о главныхъ нашихъ пристрастіяхъ явствуетъ изъ того, что оныя не токмо что имѣютъ дѣй-

ствіе на темпераментъ, но и на разсудокъ. Они тоже почти имѣютъ дѣйствіе на око ума или нрава нашего, каковое нѣкоторыя болѣзни на тѣлесное око. Естьли не ослѣпляютъ, то по крайней мѣрѣ приводятъ его въ слабость, представляютъ ему ложныя краски, и дѣлаютъ то, что оно несправедливо о вещахъ заключаетъ, и суть, кратко сказать, источники вышеобъявленныхъ разсужденій, кои столь часто прельщаютъ человѣческій разумъ.

Самыя различныя страсти, владычествующія надъ мыслію, умомъ, откуда бы онѣ ни происходили, могутъ основаніе свое имѣть въ различномъ строеніи частей тѣла, или въ различномъ количествѣ или движеніи жизненныхъ духовъ, и въ природномъ образѣ, или начертаніи, или состояніи и расположеніи самыя души; но то извѣстно, что различный образъ мыслей человѣковъ учреждается яснымъ и сильнымъ образомъ по перевѣсу ихъ различныхъ пристрастій, и особливо въ разсужденіи Религіи. Такъ видимъ мы на пр. что Меланхолики своей Религіи

лигіи придаютъ мрачное бытіе, и представляютъ ее въ непріятномъ и совсѣмъ для насъ въ невосхитительномъ видѣ, какъ будто бы оная никакова инаго, кромѣ темнаго и мрачнаго существа не имѣла; напротивъ того, во владычествѣ веселыхъ и возбужденныхъ страстей находящіеся, удобны прейти къ другой крайности и обыкли смѣшивать съ удовольствіями Религій весьма чувственныя забавы; и столько же легковѣрны, сколь другіе строги. И такимъ образомъ провождаемы бываютъ предразсужденіемъ, или стремленіемъ различныхъ своихъ страстей, или насиліемъ своего темперамента къ разнымъ заблужденіямъ.

„И такъ, что есть ли кто хочетъ „познать самаго себя, долженъ учить„ся познать свой темпераментъ, на„туральную склонность и любимыя „свои пристрастія; ибо чрезъ сіи у„добно портится человѣческой разумъ „и нравъ его отягощается развратною „склонностію. Сіи суть пути къ „предразсужденіямъ; они суть не за„нятые входы ко нраву, чрезъ кои

„ми-

„миліоны заблужденій, и тайные по-
„роки прелазятъ непримѣтнымъ и
„невидимымъ образомъ (о). „

А чтобы тѣмъ удобнѣе могли мы достигнуть до познанія господствующихъ нами склонностей, то посмотримъ какія наружныя приключенія сильнѣйшее въ насъ дѣлаютъ впечатлѣніе, и болѣе насъ трогаютъ, и въ какихъ обстоятельствахъ оное бываетъ? Что обыкновенно возбуждаетъ во нравѣ нашемъ большее огорченіе, или величайшее удовольствіе? —

Что касается до огорченія, то хотя Стоикъ и скажетъ намъ „чтобъ „мы вещи содержали отъ себя въ от-„даленіи, и чтобъ ничего внѣшняго „во внутренность нашу не допускали, „и наружныя вещи оставляли бы на-„ружными вещами „; но человѣческая природа съ трудомъ выдержитъ строгость сей Философіи. Наружныя вещи при всемъ томъ будутъ насъ трогать и дѣлать въ насъ впечатлѣнія: а притомъ не можно еще сіе почесть несчастіемъ, толькобъ онѣ власти надъ нами

(о) Зритель часть VI. No. 89.

нами не имѣли, не покоряли бы нашъ разсудокъ, и не приводили бы насъ въ заблужденіе дѣлать то, что не прилично человѣку, или Христіянину. Польза, кою мы изъ дѣйствія наружныхъ вещей себѣ извлечь можемъ, есть та, что способъ какимъ образомъ, или степень, въ которой онѣ намъ дѣлаютъ впечатлѣніе, можетъ довести насъ до лучшаго о самихъ себѣ познанія, и открыть слабую нашу душу, и тѣ страсти, кои по большей части въ насъ владычествуютъ.

Забавы наши также могутъ открыть главныя наши страсти, истинной темпераментъ и расположеніе души нашей. Естьли она есть рабынею чувственныхъ удовольствій: то сіе есть знакомъ, что ея владычествующій вкусъ недостаточенъ и попорченъ. Привержена ли она къ чувственнымъ удовольствіямъ: вкусъ худъ и низокъ; естьли которая душа увеселяется радостію, состоящею въ воображеніи, въ преузорочныхъ картинахъ Фантазіи, или Романическимъ забавляется: то знакъ, что она склонна къ малостямъ.

стямъ. Ежели которая увеселяется науками, или приращеніемъ силъ разума, видно, что оная благороднаго и очищеннаго вкуса. Естьли же главнѣйшія ея удовольствія произтекаютъ отъ Религіи и благочестиваго созерцанія, тогда имѣетъ она истинный и собственно ей свойственный вкусъ. Темпераментъ таковыя души есть точно таковъ, каковъ долженъ быть, т е. непороченъ, божественъ, небесный; и сіе въ такомъ случаѣ, ежели сіи увеселенія происходятъ отъ мысли, подлинно богобоязненныя, свободныя отъ суевѣрія, пустосвятства и мнимыхъ восторговъ, въ которые толь часто она (мысль) претворяется.

И естьли попечительно примѣчаешь, что твоей душѣ причиняетъ великое оскорбленіе и мученіе, или великое удовольствіе и пріятность, тогда достигнешь до познанія главнѣйшей ея страсти, господствующаго ея темперамента и склонностей.

Затворися же, душа моя, въ сердце твое; ежели оно не далеко, но весьма

глубоко; и ты найдешь въ немъ много для тебя дѣла; никогда ты его не изслѣдуешь; его никто познать не можетъ, кромѣ Испытующаго сердца и утробы. Углубися въ сію матерію колико можешь. Испытывай сама себя, и познаніе о происходящемъ въ тебѣ полезнѣе для тебя будетъ, нежели познаніе о бываемомъ на семъ свѣтѣ. Не заботься о войнахъ и распряхъ штатскихъ и приватныхъ людей. Учися паче познавать оную распрю, которая происходитъ у твоей плоти и духа, между закона въ твоихъ членахъ, и закона твоего разсудка. Укрощай распрю сію. Пріучай плоть твою къ повиновенію. Возводи разумъ твой на прежній его престолъ, и придай ему въ совѣтника богобоязненность. Налагай узду на твои пристрастія и приводи ихъ въ послушаніе. Устрояй порядокъ въ маломъ твоемъ царствѣ, господствуй разумно и свято надъ многочисленнымъ народомъ, обитающемъ въ маломъ твоемъ государствѣ, сирѣчь владѣй многочисленными склонностями, мнѣніями, мыслями и страстя-

стями, водворяющимися въ сердцѣ твоемъ. (п)

Глава XI.

О тайныхъ побужденіяхъ нашихъ дѣяній.

X. Вторая важная часть познанія самаго себя состоитъ въ томъ, чтобъ знать истинныя причины и тайныя побужденія нашихъ дѣяній.

Достиженіе къ сему познанію стоитъ намъ иногда великаго труда. Но недостатокъ въ ономъ доводитъ насъ до опасности имѣть ложное заключеніе о нашихъ поступкахъ, и неправильное мнѣніе о нашемъ поведеніи.

Не токмо что очень возможное, но и очень обыкновенное дѣло, что люди не знаютъ главнѣйшихъ побужденій ихъ поступка, и что воображаютъ они, будто поступаютъ по основательной причинѣ, когда ясно

(п) Surien's rechte Beschafenheit der Christlichen Andacht, theil III. Kap. III.

видно, что они отнюдь оныя не имѣютъ.

Естьлибъ мы испытывали намѣренія и сердца наши, то нашли бы мы, что оныя въ такомъ случаѣ гораздо чаще насъ обманываютъ, нежели мы усматриваемъ; думая, что мы совсѣмъ иною причиною побуждаемся, нежели какъ въ самомъ дѣлѣ честь воздаваемая Богу, и благо Религіи можетъ быть есть побудительная причина, которая въ глаза кидается, и которую обыкновенно выставляютъ, а между тѣмъ можетъ статься временныя преимущества и потаенная суетность есть сокрытая и справедливая причина дѣяній нашихъ. Мы, думая приносить службу Богови, жертвуемъ можетъ быть Мамонѣ. Мы хвастаемся, какъ Іиуй, усердіемъ нашимъ ко Господу, а въ самомъ дѣлѣ горячностію естественныхъ нашихъ страстей побуждаемы бываемъ (р). Мы сокрываемъ порицаніе заслуживающій нравъ подъ одежду благочестія и въ наставленіи другихъ показываемъ только свою непріязненность. Мно-

(р) 4 Кн. Царствъ гл. X. ст. 16.

Многіе являются въ мѣстахъ публичнаго богослуженія по обыкновенію или изъ любопытства, о коихъ должно бы думать, что они туда ходятъ изъ внутренняго побужденія. Наружное и выставляемое ихъ намѣреніе есть приносить службу Богу, и почерпать душевную пользу, а сокровенная и внутренняя къ тому ихъ побуждающая причина есть показаніе своего предъ другими превосходства, или то, чтобъ не почли ихъ странными (с) и не подумали бы чего о ихъ отсутствіи. Щедрость и раздача милостыни, часто можетъ быть произходятъ отъ гордости или отъ частнаго усердія, и по видимому дружескіе поступки имѣютъ основаніемъ своимъ корыстолюбіе.

Чрезъ таковое сокрытіе нами дѣйствующихъ причинъ хотя и обманываемъ мы другихъ людей, но и

(с) Въ другихъ Европейскихъ государствахъ и понынѣ странными почитаютъ тѣхъ, кои не ходятъ въ церковь по праздникамъ. Но здѣсь напротивъ тотъ странень, кто ходитъ въ церковь.

самихъ же себя вмѣстѣ обманываемъ, и тогда, какъ мы обольщаемъ другихъ, насъ обольщаютъ сердца наши. А между всѣми обманами обманъ самаго себя есть всеопаснѣйшій, ибо мы себя менѣе всего опасаемся.

Естьли же мы о семъ дѣлѣ прилѣжно не размыслимъ, то никогда не достигнемъ до глубины онаго. А естьли мы не придемъ на испытаніе истинныхъ нашихъ побужденій, и дѣйствительныхъ побудительныхъ причинъ дѣяній нашихъ, то никогда не будемъ въ состояніи справедливое объ оныхъ дѣлать заключеніе, и они будутъ казаться въ глазахъ нашихъ и въ глазахъ цѣлаго свѣта совсѣмъ нѣчто иное, нежели каковы они предъ очами Божіими. Господь бо зритъ не тако, яко человѣкъ: ибо человѣкъ видитъ то, что предъ глазами, но Господь зритъ на сердца. (т) И отсюда произходитъ то, *яко*, еже *есть въ человѣцѣхъ пысоко, мерзость есть предъ*

(т) 1 Самуил. гл. 16 ст. 7.

предъ Богомъ. (у) *Всякъ мужъ является себѣ прапедень, упрапляетъ же сердца Господъ* (ф).

Глава XII.

Всякій, кто себя знаетъ, гораздо пѣдаетъ, колъ сильно пъ немъ господствуетъ желаніе похпалы.

XI. Вторый необходимый пунктъ точнаго познанія о собственномъ своемъ сердцѣ, есть стараться познать *какопо-то желаніе его о слапѣ*, и какими средствами онъ сіе желаніе удовольствовать ищетъ.

Понеже страсть сія всегда великую силу и часто вліяніе на важнѣйшя обстоятельства нашего поведенія имѣетъ и тогда, когда наименѣе о емъ думаешь; то совершенное познаніе объ оной есть важнѣйшая часть *самопознанія*, и требуетъ слѣдовательно особливаго вниманія.

(у) Лук гл. 16 ст. 15.

(ф) Прит ей гл. 21 ст. 2.

Желаніе предъ другими преимуществовать, показываетіся, такъ какъ и другія въ человѣкѣ страсти, у нѣкоторыхъ яснѣе, и дѣйствуетъ въ нихъ сильнѣе, нежели въ прочихъ. Оно само по себѣ безвредно; и по премудрымъ причинамъ вложено въ природу человѣческую, и удобно, естьли въ надлежащемъ порядкѣ содержится, къ споспѣшествованію превосходнымъ намѣреніямъ; въ противномъ случаѣ раждается въ презрительное и наказнія достойное *любочестіе*.

Естьли кто находитъ въ себѣ то, что побуждаетъ его въ благородныхъ дѣлахъ, или въ истинно добрыхъ и добродѣтельныхъ поступкахъ, предъ другими имѣть преимущество, и естьли онъ ищетъ слѣдовать побужденію сему съ постоянымъ и нелицемѣрнымъ усердіемъ, не имѣя при томъ другихъ побочныхъ намѣреній или лжи; то сіе есть ѣрнымъ знакомъ благорожденнаго духа. Ибо таковый славожаждущій не можетъ никогда быть виноватымъ, понеже онъ человѣка ободряетъ и дѣлаетъ его способнымъ къ содѣланію

нію большаго добра, нежели бы онъ безъ него сдѣлалъ. И можетъ быть не бывало никогда такова добраго духа (genie) или великаго мужа, возвысившагося надъ прочими обыкновенными людьми, и въ изящныхъ дѣлахъ своими благородными поступками предъ другими отличившагося, которой бы не былъ тайно и можетъ быть непримѣтно порѣваемъ сею страстію. Напротиву же того, есть-ли чьи намѣренія ограничиваются единственно похвалою другихъ, заслуженною ли или нѣтъ; есть-ли онъ печется о благоволеніи народномъ и о славѣ, не взирая на образъ стремленія своего; есть-ли желаніе его о славѣ побуждаетъ его болѣе предпринимать на себя, нежели онъ понести въ состояніи, и въ такія вещи вдаваться, кои выше силъ его; есть-ли онъ долженъ прибѣгнуть къ подлымъ средствамъ и постыдными мѣрамъ для снисканія себѣ добраго имени; и есть-ли добивается непозволеннымъ и худымъ образомъ до маловажныхъ почестей, ни мало не заботясь, отъ кого оныя получаетъ: тогда любо-

честіе его прераждается въ суетность. Естьли кто любочестіе свое употребляетъ къ безбожнымъ предпріятіямъ, и почтеніе разумныхъ и честныхъ людей свободно приноситъ въ жертву угожденію народному, переходитъ граници благопристойности и истинны, нарушаетъ обязательства чести и добродѣтели; тогда сіе его любочестіе не токмо суета, но и *порокъ*, порокъ вредоноснѣйшій спокойствію и благополучію человѣческаго общества, и который паче всѣхъ другихъ причинилъ раззореніе и погибель въ людяхъ. Но не естьли сіе доказательствомъ что общее воображеніе различествуетъ отъ истинны? Что порокъ, навлекающій толикое неустройство и зло, по несправедливости почитается добродѣтелію, и что тѣ, кои величайшій на себя навлекли стыдъ, вѣнчаются отъ тѣхъ лаврами, коихъ они сдѣлали несчастными; и что сіи вѣнцы общею людей похвалою чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ увѣковѣчились. Мнѣніе Сенекино о Александрѣ конечно сходнѣе съ истинною, нежели общее

щее объ немъ заключеніе; онъ называлъ его „явнымъ смертоубійцею вмѣ„сто того, что онъ его героемъ на„зывать долженствовалъ; и что „Александръ, желая быть ужасомъ „человѣческаго рода, равную похвалу „пріобрѣталъ съ тѣми вредоносными „и злѣйшими скотами, кои на теат„рахъ сражались. Смотри Senec. de be„nef. c. 13. Коль различно отъ сего Плутархово заключеніе, которой его въ словѣ своемъ о судьбѣ и добродѣтели Александровой возвышаетъ до степени Геройской; и все опустошеніе, причиненное имъ народамъ съ тѣмъ предлогомъ оправдываетъ, (подобно какъ Испанцы безчеловѣчныя свои жестокости противу бѣдныхъ Индѣйцовъ) что будто онъ хотѣлъ очистить ихъ нравы отъ грубости. Онъ, приписывая его удачу добродѣтели его, говоритъ болѣе языкомъ воина, служившаго съ нимъ въ войнѣ, нежели голосомъ Историка, жившаго нѣсколько лѣтъ послѣ, и котораго была должность описать потомству безпристрастно его характиръ.

Столь-

Столько извѣстно, что ложные сіи Герои, ищущіе славы своей въ опустошеніи собственнаго ихъ рода, о себѣ меньше всѣхъ вѣдаютъ; и чрезъ сіе постыдное любочестіе, вмѣсто безсмертной славы, за которой они стремятся, навлекаютъ на свое имя стыдъ и проклятіе. Какъ о семъ у Пророка говорится: см. Аввак. гл. 2. ст. 9. 10. (х) Теперь явствуетъ, что никто себя точно знать не можетъ, пока онъ того не вѣдаетъ, что толь часто есть сокровенною и непримѣтною побудительною причиною его дѣяній, и пока онъ не станетъ примѣчать коль далеко надъ нимъ простирается власть сея причины въ его обхожденіи и поведеніи; добродѣтель и истинное преимущество конечно кинутся въ глаза хотя бы оныя и не носимы были на крилѣхъ любочестія, которое чѣмъ выше возлетаетъ, тѣмъ опаснѣйшее причиняетъ паденіе.

И

(х) *Горе лихоимствующымъ лихоимство злое дому своего, еже учинити на высотѣ гнѣздо свое. Умыслилъ еси студные дому своему, скончалъ еси мысли многи, и согрѣшила душа твоя.*

И такъ во исправленіе безпорядка и чрезмѣрности сея страсти примѣтимъ мы колико тщетное и ничтожное удовольствіе приноситъ намъ наивеличайшее оныя удовлетвореніе; колико жестокимъ оскорбленіямъ оная насъ подвергаетъ, возбуждая къ намъ въ другихъ людяхъ зависть; къ коликой низости оная насъ поощряетъ; коль часто не достигаетъ она своего предмета, гоняяся за нимъ съ величайшею горячностію; и коль несравненно продолжительнѣйшимъ удовольствіемъ награждаетъ насъ похвала совѣсти, нежели грубыя рукоплесканія невѣждъ и заблуждающихъ человѣковъ, кои, понеже судятъ по наружности, истинный нашъ характиръ знать не могутъ, и коихъ одобренія благоразумный мужъ скорѣе долженъ презирать, нежели искать ихъ. „Испы„тай только разумъ людской, и по„смотри коль далеко простирается „ихъ прозорливость, то никогда не „будешь искать одобренія народнаго, „ниже порицанія его бояться; и пе„чись о томъ, какое заключеніе про„столюдимы о тебѣ дѣлаютъ, ибо „они

„они и о себѣ правильно разсуждать
„никогда не могутъ.„ (ц)

Глава XIII.

Какой родъ науки мы теперь имѣемъ, и какое достоинство мы оному приписываемъ.

XII. Тотъ не можетъ никогда о себѣ справедливо судить, кто не испытываетъ какое онъ о вещахъ имѣетъ познаніе.

И такъ должны мы познанія, какія мы имѣемъ, принять въ разсужденіе, и видѣть не приписываемъ ли мы имъ высокой цѣны, и насъ самихъ по онымъ не цѣнимъ ли съ лишкомъ высоко; какую истинную пользу познанія сіи намъ приносятъ, какое надъ нами имѣютъ дѣйствіе; не дѣлаютъ ли они насъ гордыми, нелюдимами и высокомѣрными, угрюмыми, кич-

(ц) Вникни въ ихъ совѣсть, то увидишь нѣкоторыхъ судей боязливыхъ и самихъ себя осуждающихъ. Марк. Антон. кн. 9 §. 18.

кичливыми, презирающими. Понеже думаемъ мы, что другіе въ нихъ невѣжды. Ежели такъ, то познанія сіи, какія бы они ни были, приносятъ намъ болѣе вреда, нежели пользы. Щастливѣе бы мы безъ нихъ были; самое невѣжество не столь бы смѣшными насъ дѣлало. Таковое мыслей нашихъ расположеніе показываетъ, что при всѣхъ нашихъ познаніяхъ *мы сами себя не знаемъ.*

„Человѣкъ конечно гордится тѣ-
„ми познаніями, по которымъ онъ
„ихъ презираетъ, кои оныхъ не
„имѣютъ.„

Коль обыкновенно нѣкоторымъ людямъ желать являться гораздо знающими, нежели они въ самомъ дѣлѣ, и хотѣть слыть прозорливыми, нежели они суть? На сей конецъ истощеваютъ они во всѣхъ собраніяхъ весь почти свой магазинъ, чтобъ только болѣе другихъ блистать своимъ разумомъ. И сіе дѣлаютъ они даже до того, что въ два или много что въ три разговора становятся пусты, и пустоту сію скорѣе примѣтишь, нежели ожидалъ. И самая та рѣка учености, ко-

ею они насъ сначала столь немилосердо потопляли, болѣе приводитъ насъ въ замѣшательство, нежели приноситъ намъ удовольствія; въ глазахъ у нихъ не то намѣреніе, чтобъ просвѣтить смыслъ нашъ, но чтобъ показать свой разумъ; о многомъ имѣемъ мы тогда имъ напомянуть, и многое противоположить, но болтливость ихъ не даетъ намъ ни одного слова выговорить: и ихъ толь преимущественно украшенная острота дѣлаетъ стыдливаго человѣка совсѣмъ тупымъ. И естьли поупрямишся и станешь вещь изслѣдывать, то они съ стыдомъ останутся, или отходятъ прочь какимъ либо двусмысленнымъ словомъ, и изливаютъ равно какъ чернилицы морскія (*), чернильное наводненіе за собою, дабы не видно было куда они пропадаютъ. Откуда слабость сія произходитъ, довольно извѣстно. *Самопознаніе* скоро бы оную исправило.

Есть

(*) Чернилица морская есть рыба, по Нѣмецки Scuttle-Fisch, которая во время своей поимки черную испускаетъ кровь.

Есть люди, которые по невѣжеству своему думаютъ знать больше, нежели они знаютъ въ самомъ дѣлѣ: а есть и такіе, кои по гордости кажутся болѣе невѣждами, нежели они суть. Они, чтобъ показать, что они большую прозорливость и остроту имѣютъ нежели другіе, утверждаютъ, что совсѣмъ нѣтъ извѣстнаго и вѣрнаго познанія; наводятъ сомнѣніе на самыя высочайшія начальныя положенія; не выдаютъ ничего за вѣрное, и впадаютъ такимъ образомъ прямо въ бездну недоумѣнія; что бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ глубокомысленныхъ испытаній, когда люди выше мѣры во что нибудь углубляются (ч).

Каждый склоненъ тотъ родъ познанія выше всего почитать, въ которомъ онъ думаетъ другихъ наиболѣе превзойти; и всѣхъ другихъ на-

(ч) Сократъ говорилъ: что онъ ничего больше не знаетъ, какъ то, что онъ ничего не знаетъ. Толикую-то скромность имѣлъ сей ученѣйшій мужъ. Но послѣдователи его еще далѣе въ оной поступили, а наипаче Арцезилай, который обыкновенно говаривалъ, что онъ и того даже не знаетъ, что Сократъ для себя оставилъ.

противъ того, въ сравненіи онаго, почитать ниже себя. И такъ не достаетъ у насъ извѣстнаго правила, по которому разсуждать бы можно о всякомъ познаніи, и по которому бы оное цѣнить было возможно. Не принять ли слѣдующее: — „Тотъ лучшій и драгоцѣннѣйшій есть родъ „познанія, которой способнѣе къ лучшимъ предметамъ, то есть, которой удобнѣе сдѣлать человѣка мудрѣйшимъ, и лучшимъ, и полезнѣйшимъ.„ — Ибо знаніе есть ничто иное, какъ *средство*, служащее къ достиженію какова либо *предмета*. И понеже о всѣхъ средствахъ по превосходству предмета, и по ихъ удобности онаго достигнуть, судить должно: то надлежитъ слѣдовательно тому быть лучшимъ познанію кое удобнѣе, способнѣе къ споспѣшествованію достиженія лучшихъ предметовъ, сирѣчь достиженія истиннаго блаженства того, кто оное имѣетъ, и прочихъ ему подобныхъ человѣковъ, съ которымъ Божія честь, слава, яко высочайшій предметъ неминуемо сопряжена есть.

Естьли

Естьли бы мы о разныхъ родахъ наукъ судили по сему правилу, то нашли бы мы 1) что нѣкоторые изъ оныхъ весьма *вредны* и *соблазнительны*; ибо они на то стремятся, чтобъ истинный предметъ познанія обратить въ противную сторону; чтобъ нанести поношеніе собственному человѣческому блаженству, сдѣлать его еще вреднѣйшимъ для общества. Такихъ людей знаніе есть знаніе порока, нѣкоторыхъ покушеній, клонящихся къ оному, и тайные шаги къ распространенію онаго; иначе искусство притворства, обмана, прелести и лжи. 2) А иные нашли бы мы къ *употребленію неспособными и безполезными*. Таковыя суть тѣ части познанія, коихъ достиженіе, погубляя много времени, и стоя великихъ трудовъ, не споспѣшествуетъ къ достиженію похвальнаго предмета, и служитъ единственно къ препровожденію времени и къ увеселенію воображенія, какъ то познаніе о театрѣ, знаніе искусныхъ сказочекъ, разныхъ игоръ и модъ, въ чемъ каждый можетъ быть весьма остроуменъ и искусенъ, но ни

на волосъ благоразумнѣе и полезнѣе.
3) Прочія науки хороши только по извѣстному ихъ отношенію или служенію, и могутъ быть одному полезнѣе, нежели другому, на пр. опытность въ особливомъ упражненіи, или званіи, на коемъ основывается его кредитъ, содержаніе, или полезность въ общежитіи. И понеже сіе познаніе по мѣрѣ только предмета своего драгоцѣнно, то и должно оно только съ такимъ прилѣжаніемъ и попеченіемъ производимо быть, какое соразмѣрно сему предмету. Наконецъ прочіе роды познанія суть властелины и всеобще полезны, какъ то: познаніе Бога и насъ самихъ; познаніе о натурѣ, вѣчнаго нашего блаженства, и средствъ къ оному. Сіе всѣмъ людямъ равно необходимо. И сколь бы должны мы быть благодарны, что мы, мы живущіе во свѣтѣ Евангелія, и наслаждающіеся онымъ свѣтомъ во всемъ его совершенствѣ и ясности, имѣемъ толь много счастливыхъ средствъ и случаевъ къ достиженію сего высочайшаго, полезнѣйшаго и необходимаго рода познанія!

И такъ не можетъ тотъ себя хорошо познать до тѣхъ поръ, пока не дастъ онъ настоящей цѣны своему познанію, пока не изслѣдуетъ къ которому роду наукъ онъ себя готовитъ, образуетъ, и къ которому онъ болѣе прилѣжитъ. Какъ высоко онъ его почитаетъ, какую онъ ему приноситъ пользу, и какое онъ надъ нимъ имѣетъ дѣйствіе, что онъ имъ исправляетъ, къ чему онъ ему теперь служитъ, или впредь служить будетъ.

Ни въ чемъ такъ невѣдѣніе о самомъ себѣ не открывается, какъ въ почтеніи къ собственному своему разуму, или судя по оному къ самому себѣ. Сіе есть извѣстное и справедливое примѣчаніе, что порожніе сосуды отдаютъ отъ себя большій звукъ. Люди малѣйшаго познанія обыкновенно или превозносятся, и больше ими гордятся, что ясно видно въ дерзскихъ молодыхъ людяхъ, въ сырыхъ и непропеченыхъ надутыхъ студентахъ, и въ тѣхъ, кои, не упражнявшись въ наукахъ съ молодыхъ лѣтъ, въ старости пленяются

ся чтеніемъ, но не имѣя ни вкуса, ни проницанія, для того только что почитаютъ сіе совершенствомъ, и чтобъ можно было имъ хвастаться на подобіе ученыхъ, кои точно столько имѣютъ учености, сколько нужно къ совращенію бесѣды, и сдѣлать себя смѣшными, но толь много не имѣютъ, чтобъ самихъ себя, или другихъ, хотя бы въ маломъ сдѣлать благоразумнѣе.

Сверхъ вышепомянутыхъ родовъ наукъ есть еще другой, которой обыкновенно называется *ложнымъ познаніемъ*, который хотя часто людей видомъ истиннаго ученія обманываетъ, но въ самомъ дѣлѣ хуже, нежели грубое невѣжество. Нѣкоторые многимъ вещамъ учились, и великій къ тому употребили трудъ, и воображаютъ о себѣ потому много, но которые, прежде нежели дѣйствительно будутъ мудры, должны опять снова переучиваться. Они ужасно коль великое время труда и терпѣнія употребили на взгромажденіе множества ложныхъ понятій, кои сдѣлали они себѣ извѣстными и ко-

торые они въ умѣ своемъ, яко сокровищѣ драгоцѣннаго познанія, сохраняютъ; и ежелибъ они ихъ по вышереченнымъ правиламъ испытали, то есть по *способности къ употребленію себя содѣлать лучшими и мудрѣйшими, для другихъ полезнѣйшими*, то нашли бы, что они точно ничего не стоятъ.

Берегись ложнаго сего познанія; ибо ни въ чемъ люди не упрямѣе, какъ въ семъ познаніи, и ничто не дѣлаетъ ихъ суетнѣе и отвратительными отъ *самопознанія*, какъ сіе ложное познаніе. Люди ни во что такъ не влюблены какъ въ ложныя ихъ понятія.

С. Апостолъ Павелъ часто говоритъ о подобныхъ людяхъ, и о ихъ упрямствѣ острыми выраженіями. Хотя и мудры являются, но глупцами должны быть, прежде нежели будутъ разумны. (ш) Хотя и воображаютъ себѣ, что много знаютъ, но

(ш) 1 Къ Коринф. гл. 3 ст. 18. Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ.

совсѣмъ тѣмъ ничего не вѣдаютъ, какъ было имъ знать о томъ надлежало, (щ) но обманываютъ сами себя, ибо думаютъ быть нѣчто, будучи ничемъ. (Ъ) И желая быть прочимъ учителями, не знаютъ, что говорятъ сами, ниже того, что утверждаютъ (ы) и требуютъ, чтобъ кто показалъ имъ первыя буквы и первыя основанія премудрости (ь).

Глава XIV.

О познаніи, надзираніи за нашими мыслями, и управленіи оными.

XIII. Второе отдѣленіе самопознанія состоитъ въ надлежащемъ по-

(щ) КЪ Коринф. гл. 8. ст 2. Аще ли кто мнится видѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти.

(Ъ) ГалатомЪ гл. VI. ст. 3. Аще бо кто мнитъ себѣ быти что, ничто же сый, умомъ лститъ себе.

(ы) Тимоѳ, гл. I ст. 7. Хотяще быти законоучители, не разумѣюще, ни еже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ.

(ь) КЪ Евр. гл V. ст. 12. Паки требуете учитися, кая писмена начала словесъ БожіихЪ.

познаніи о собственныхъ нашихъ мысляхъ и во внутреннихъ дѣйствіяхъ вообразительныя нашея силы.

Истинное управленіе мыслей требуетъ не малаго искусства, бдѣнія и рѣшимости. Но къ успокоенію и исправленію душевному столь оно нужно, что награждается трудъ, приложенный къ сему управленію. Имѣющій управлять толь многочисленнымъ и безпокойнымъ семействомъ, каковы суть его мысли, которыя охотно служатъ *страстямъ* и *похотѣніямъ его*, не долженъ на долго отлучаться изъ дому. Естьли онъ выдетъ, то они тотчасъ взбунтуютъ, и подъ предводительствомъ оныхъ двухъ жестокихъ начальниковъ придутъ въ безпорядокъ и возбудятъ иногда при малѣйшей потачкѣ великія жалобы и безпокойства. И трудно представить себѣ то бѣдное состояніе, которое происходитъ отъ внутренняго сего мятежа и бунта. Когда разъяренная совѣсть и воспаленныя страсти безъ малѣйшаго сопротивленія и укрощенія на бѣшенство дерзаютъ.

ГрадЪ, терзаемый пожаромЪ, и возмущеніе упившихся матрозовЪ и прочей на кораблѢ челяди, убившихЪ своего Капитана и другЪ друга вЪ шумствѢ поражающихЪ, суть слабыя онаго изображенія. Душевное мученіе при таковомЪ всколебаніи, и при потерѢ отЪ страстей произходящее, весьма не легко себѢ представить можно. Любомстительный человѢкЪ не можетЪ ничего огорчительнѢе желать врагу своему.

И по сему коль то важно, чтобЪ человѢкЪ бдѢлЪ за своими мыслями, дабы возмогЪ ими правительствовать! да размыслитЪ онЪ, которую мысль онЪ удобнѢе удерживаетЪ, которая какЪ вкрадывается, и при какомЪ случаѢ сіе происходитЪ!

Прекрасное правило далЪ одинЪ мудрый язычникЪ вЪ своихЪ размышленіяхЪ, которое онЪ на себя обращаетЪ и есть слѢдующее: *учреждай*, говоритЪ, *всѢ твои поступки и мысли такЪ, что какЪ бы ты изЪ спѢта понЪ тыходишь* (Ѣ).

РѢдко

(Ѣ) Marc. Ant. Medit: L. 2. § 12.

Рѣдко кто несчастливъ, а можетъ быть и никто несчастливымъ отъ того не бываетъ, что не знаетъ мыслей другихъ людей, продолжаетъ сей язычникъ, но не примѣчающій за движеніями собственнаго своего сердца есть подлинно несчастливъ (э). И такъ стоитъ точнѣе изслѣдовать о сей матеріи и увидѣть 1) *какія точно помышленія не допущать до сердца, а должно изтреблять, и* 2) *какія имѣть, и какимъ придержипаться.*

1) *Нѣкоторыя мысли тотчасъ изгонять, какъ скоро пойдутъ они въ сердце наше.* — И естьли они насъ часто безпокоятъ, то вѣрнѣйшее есть средспіво, чтобъ мы охраняли тѣ пола-

(э) Marc. Ant. L. 2. § 8. Нѣтъ ничего несчастнѣе того, кто повсюду таскается, вывѣдываетъ тайности другихъ людей, но при всемъ томъ не мыслитъ, что его собственное сердце подаетъ ему достаточную причину къ испытанію и упражненію, и что попеченіе о самомъ себѣ, и собственное свое исправленіе доставитъ ему довольно заботы. Тойже: кн. 2. § 13.

О склонности твоей по тому судить будутъ, о чемъ ты по большой части мыслишь; ибо душа занимаетъ нѣчто отъ собственныхъ своихъ мыслей. —— L. 5. § 16.

лазы, чрезъ кои онѣ въ сердце наше вползаютъ, и убѣгалибъ тѣхъ случаевъ, отъ коихъ они воспаляются. Ибо иногда гораздо легче запретить входъ худымъ помышленіямъ, нежели отъ нихъ освободиться, когда они уже вошли. Особливо берегись,

1) Отъ всѣхъ скучныхъ и неудовольственныхъ мыслей, кои душу напрасно мучатъ и какъ бы спицами колятъ. Естьли дашь симъ мѣсто, то больше себѣ причинишь вреда, нежели самый злѣйшій твой врагъ причинить тебѣ можетъ. Сіе есть преимущество Христіянина предъ прочими, да и должность его, чтобъ онъ учился довольнымъ быть тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находится, подражая С. Апостолу Павлу, въ посланіи своемъ къ Филипписіемъ гл. 4. ст. 11. говорящему: *азъ бо напыхохъ, въ нихъ же есмь, дополенъ быти.*

2) Не имѣй мучительной и попеченія исполненной мысли. Естьли мы дадимъ мѣсто мучительному страху или попеченію о приближающейся опасности, или печальному приключенію, то мы уже не токмо, что страдаемъ

емъ отъ того зла, коего мы трепещемъ, прежде нежели оно еще пришло, но и умножаемъ еще оное; и для насъ гораздо несноснѣе страхъ наступающаго зла, нежели тягость онаго при дѣйствительномъ его наступленіи. Сія есть великая, но всеобщая слабость, противу которой человѣкъ долженъ бы вооружиться разсмотреніемъ, кое можетъ быть слѣдующее: — „Не суть ли всѣ при„ключенія подъ извѣстнымъ управле„ніемъ премудраго Провидѣнія? Есть„ли они меня и касаются, такъ „знать они часть Богомъ опредѣлен„ныхъ мнѣ страданій, кои я по „волѣ его, яко Христіянинъ, сносить „долженъ. Коль часто робкое мое „сердце увеличивало предшедшія иску„шенія, кои я въ самомъ дѣлѣ на„шелъ гораздо легчайшими, нежели „каковы они казались мнѣ при на„ступленіи своемъ? И можетъ быть „ужасный видъ, принятый ими, есть „единая только прелесть величайшаго „врага верховнаго моего блаженства, „посредствомъ которыя хочетъ онъ „преимущественно отвлечь меня отъ „моей

„моей должности и довести до грѣха,
„стараться избѣгнуть искушенія сего.
„Но на что мнѣ по напрасну мучить-
„ся? Огорченіе и печаль уповаемаго
„зла придетъ ко мнѣ отъ Бога, а
„мученіе, ощущаемое мною, прежде
„наступленія его, дѣлаю я самъ себѣ.
„Чѣмъ я мои страданія чаще гораздо
„больше удвоиваю. Ибо сіе излише-
„ство, кое я самому себѣ причиняю,
„гораздо больше моя мѣры: огорченія,
„каковою посѣщаетъ меня Божіе про-
„видѣніе.

3) Изгоняй коль можно скорѣе всѣ *гнѣвныя* и *злобныя* мысли. Онѣ только терзаютъ душу и приводятъ ее въ хуждшее въ мірѣ расположеніе, т. е. онѣ дѣлаютъ то, что *злоба* и *мщеніе* укореняются. Гнѣвъ конечно войти можетъ въ сердце мудраго, но *ярость* пребываетъ *безумныхъ* только *почіетъ*. (ю) Употребляй возможную осторожность въ разсужденіи обид-чика; принимай въ уваженіе его тем-пераментъ, или сложеніе, прелагай гнѣвъ твой на сожалѣніе. Держитеся люб-

(ю) Екклесіастъ гл. 7. ст. 10.

любве, говоритъ С. Павелъ къ Кор. I. гл. XIV. Помышляй о терпѣніи и тихости Христовой, и о молитвѣ *Отче нашъ*, и о томъ, коль часто мы сами имѣемъ нужду въ Божіемъ и человѣческомъ прощеніи; коль неполезно, и коль безумно пребывати во гнѣвѣ, и какъ то намъ самимъ мучительно. Толь доброе имѣешь ты сердце, что мучишься дѣлать зло другому, то для чего же себѣ дѣлаешь? Тебѣ приказано ближняго твоего возлюбить такъ, какъ самаго себя; но не запрещено и себя любить. И для чего хочешь ты приложить себѣ зла, о которомъ врагъ бы твой возрадовался, ежелибъ могъ таковое тебѣ учинить (я)?

Прежде

(я) Христіянская заповѣдь въ семъ случаѣ такова: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ Ефес. IV. ст. 26. И сію заповѣдь, по увѣренію Плутархову, содержали буквально Пивагореяне: они, ежели въ горячести ругательное слово другъ другу скажутъ, давали руку, до захожденія солнечнаго, прощая при томъ всѣ обиды и разходились по домамъ съ обоюднымъ примиреніемъ, друзьями по прежнему. Vid. Plut. Mor. vol. III. p. 89.

Прежде всего въ огорченіи твоемъ имѣй смотреніе за языкомъ ; отъ малой искры сыръ боръ горитъ , малѣйшая искра обратиться можетъ въ великій пожаръ , естьли любомстительнымъ сердцемъ питается и вѣтромъ браннаго слова раздуется. Обидныя выраженія бываютъ въ такомъ случаѣ масломъ , на огонь изливаемымъ и чрезъ то большій пламень воспаляющимъ (ѳ). А паче всего

4) Изпребляй всѣ злобныя и любомстительныя помышленія. Духъ мщенія есть по справедливости духъ діавольскій ; ничто человѣка толь подобнымъ ему не дѣлаетъ, какъ сей духъ, и нѣтъ ничего противнѣе духу Евангельскому. Естьли мщеніе твое не удовлетворяется , то сіе есть только настоящее мученіе , а когда получитъ удовлетвореніе , тѣмъ большія послѣ приключитъ тебѣ мученія. Никто большаго себѣ не причиняетъ мученія, какъ мстительный человѣкъ, ядъ

(ѳ) Хорошо и въ лихорадкѣ , а еще лучше во гнѣвѣ , держать языкъ въ чистотѣ и воздерж. ности. Plut. de jra cohiben.

ядъ своего собственнаго сердца противу самаго себя обращающій.

5) Изгони изъ сердца твоего всѣ безумныя, негодныя и глупыя помышленія, которыя въ немъ находятся и сами не знаемъ какъ, и онымъ владѣютъ, и покоряютъ, прежде нежели мы примѣтимъ; занимаютъ оное пустыми и худыми упражненіями, ни пользы, ни увеселенія не приносящими, и въ свѣтѣ ни къ чему не нужными, погубляющими только время (v) и дѣлающими душу ни къ какимъ лучшимъ упражненіямъ неспособною. И подлинно нѣтъ никакой разности проводить время во снѣ, и въ таковомъ сонномъ бдѣніи. Естьли же мысли, толь непримѣтно въ тебя вкрадывающіяся, хотя и не совсѣмъ негодны и нестранны, но однакожъ непристойны, то долженъ ты

(v) Прежде жаловались люди на недосугъ, и почитали время краткимъ, а нынѣ толь въ немъ изобильны, что стараются его убивать, и за самую малую цѣну продаютъ весьма много времени. О времена! о нравы!

ты отъ нихъ отставать, понеже онѣ отъ лучшихъ тебя отвращаютъ.

6) Удаляй всѣ *глупыя* и *разпращенныя* мысли, изгоняй всѣ *суетныя* и *воображаемыя* представленія. Не обращай мыслей твоихъ на вещи, совсѣмъ небывалыя, и можетъ быть сбыться никогда немогущія. Не сотворяй себѣ никакова мнимаго удовольствія, къ событію коего не имѣешь ни малѣйшаго основанія, ни безполезныя печали въ заботѣ о томъ, чего опасаться также не имѣешь никакой причины. — То истина, что при доброй совѣсти и здравомъ разсудкѣ нѣтъ большаго блаженства, какъ имѣть *порядочную* и *благопристойную воображенія силу*. Тогда ты въ состояніи видѣть вещи такъ, какъ онѣ суть, разбирать ихъ по справедливости и по настоящимъ ихъ краскамъ, различать ложные виды отъ бреда бываемые, отъ представленій истины и разсудка. Ибо коль обыкновенно людямъ прежде всего умъ и воображеніе, истину и пустоту между собою смѣшивать? Текущій огонь жизненныхъ духовъ почитать свѣти-

свѣтиломъ ясности? И думать, что знаютъ они справедливость, или ложь вещи, которая у нихъ только что въ воображеніи находится? И которую они для того такъ воображаютъ, что хотятъ, чтобъ она была таковою? Они не думаютъ, что воображеніе есть *блудящій свѣтъ* ихъ сердца, часто тѣмъ въ яснѣйшемъ блистаніи является, чѣмъ грубѣйшимъ сердце облечено мракомъ; и оно конечно тѣхъ заведетъ въ заблужденіе, кои ему, яко своему путеводителю, слѣдуютъ. Съ сими сопряжены

7) *Романическія и богатырскія мысли.* Подъ сими разумѣю я тотъ родъ дикой горячности, которою живость жизненныхъ духовъ иногда вдругъ поражаетъ душу, и возбуждаетъ такія представленія, кои такъ чрезвычайно смѣшны и вздорны, что нельзя почти не удивляться, какъ они и въ воображеніи мѣсто имѣть могутъ. Сіи развращенія фантазіи тотчасъ изчезаютъ, чрезъ что не разнятся отъ помянутыхъ воздушныхъ замковъ воображенія, кое есть главнѣйшимъ провожденіемъ времени. Но сіи

сіи весьма не связны между собою, и толь безумны, что не долго существуютъ. Они суть сумозброднѣйшія дѣйствія, развращеннѣйшія и возможныя сновидѣнія воображенія. — Не знаю, разумѣетъ ли теперь читатель, что я сказать хочу, но естьли онъ съ примѣчаніемъ посмотритъ на все то, что происходитъ въ сердцѣ его, тогда можетъ быть чрезъ опытъ меня разумѣть научится.

8) Изпребляй нечистыя и блудныя мысли, заражающія и оскверняющія душу; хотя онѣ и сокрыты отъ человѣковъ, но Богу извѣстны, предъ лицемъ Его онѣ суть мерзость. Спаситель предохраняетъ насъ отъ оныхъ, яко отъ нѣкотораго рода прелюбодѣйства (а), не могущаго сопребывать чистотѣ сердца, пребуемой Евангеліемъ.

9) Берегись также, чтобъ не слишкомъ привязанъ ты былъ печальнымъ и меланхолическимъ мыслямъ. Нѣко-

---

(а) Матѳ. гл. 5 ст. 28, Яко всякъ, иже возритъ на жену, во еже вожделѣти ея, уже прелюбодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.

Нѣкоторые склонны все видѣть съ худой стороны. Черное облако летаетъ надъ мыслями ихъ, оно раздѣлится, когда сильнымъ дождемъ чрезъ глаза ихъ изольется, и тогда прежняя ясность настанетъ въ душѣ ихъ. Часто бываетъ сіе безъ всякаго разсужденія; должно оное приписывать, или недостатку тогдашнему тѣлесному состоянію, или случайному безпорядку души, въ которомъ находилась она въ то время. Впрочемъ каждый, любящій спокойствіе души своей, да употребитъ все сіе въ свою осторожность, ибо весьма часто оный безпорядокъ лишаетъ его сего спокойствія.

10) Напротивъ того не допускай содѣлаться силѣ воображенія твоего слишкомъ *жипою* и *надмѣнною*. Иные толь же безумно надмѣнны, сколько другіе унылы. И одинъ же человѣкъ впадаетъ часто разнымъ временемъ въ оба сіи другъ другу противоположенные пороки, поколику жизненные его духи находятся въ томъ, или другомъ расположеніи, и поколику они скоро, или тихо дви-

жатся. И для того должно бы было къ подобнымъ помышленіямъ, дѣйствующимъ въ то время весьма сильно на душу, имѣть подозрѣніе и точное примѣчаніе; въ противномъ случаѣ погубятъ они нашъ разсудокъ, и доведутъ насъ до того, что мы понятіе наше о себѣ и о вещахъ перемѣнимъ, какъ скоро прейдетъ душа наша въ спокойнѣйшее и тихое состояніе.

Прежде нежели дозволимъ мы нашимъ мыслямъ о вещахъ имѣть заключеніе, должно намъ сперва заставить умъ свой разсмотрѣть мысли наши. Ибо не всегда онѣ въ состояніи исполнять званіе сіе. Не признаемъ мы справедливымъ характиръ, приписуемый однимъ другому, естьли не имѣемъ хорошаго мнѣнія о его собственномъ. Таковымъ же несправедливымъ должны мы почитать опредѣленіе, подписываемое сердцемъ нашимъ, пока еще не испытано оно нами, и не признано безпристрастнымъ и безкорыстнымъ; надобно напередъ знать въ расположеніи ли оно судить и имѣетъ ли довольное проницаніе, съ ко-

то-

порымъ судить долженствуетъ. Недостатокъ въ сихъ предварительныхъ разсужденіяхъ о самомъ себѣ есть причиною, что мы толь много сами себя обманываемъ, и ложно о вещахъ заключаемъ.

Наконецъ отвергай ежеминутно съ омерзѣніемъ всѣ безпокойныя и злочестивыя помышленія, кои иногда вдругъ и сами не знаемъ какъ въ умъ нашъ приходятъ, хотя мы нарочито вѣдаемъ *откуда они.* А какъ поступать съ такими мыслями, ибо онѣ суть явныя искушенія и путеводительницы ко грѣху, научаетъ насъ Спаситель собственнымъ своимъ примѣромъ (6). И такъ отъ сихъ помышленій должно намъ себя весьма охранять. — И понеже они (особливо же нѣкоторыя изъ нихъ) имѣютъ обычай часто вкрадываться въ сердце наше, то разсудокъ да не забываетъ никогда у дверей онаго быть на стражѣ, да блюдетъ пути къ оному, и да воспящаетъ входъ въ него, или

(6) Матѳ. гл. 4. ст. 10.

естьли они уже вошли, то да изгонитъ ихъ не только какъ безстыдныхъ, но яко вредныхъ гостей, хотѣвшихъ войти въ сердце проломомъ.

Но II. есть другой родъ мыслей, которыхъ мы должны придерживаться, сохранять ихъ съ великимъ попеченіемъ, и стараться имъ дать свободнѣйшее теченіе.

Всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя доставляютъ душѣ умное и благоугодное удовольствіе, и нѣкоторымъ образомъ споспѣшествуютъ къ исправленію сердца и разсудка, не должно намъ отвращаться, но вспоминать о нихъ очень часто, и рачительно въ нихъ упражняться. И не надобно ихъ до тѣхъ поръ оставлять, пока онѣ не произведутъ такія впечатлѣнія въ душѣ, кои, вѣроятно, что на долго въ ней останутся.

А чтобъ привести душу до способности къ воспринятію подобныхъ мыслей, къ удержанію и къ продолженію оныхъ, къ тому потребны два обстоятельства:

1) Чтобъ мы пріучили себя къ справедливому и разумному образу мы-

мыслей, и 2) къ нравственнымъ и духовнымъ умозрѣніямъ.

1) Естьли мы хочемъ пріуготовить душу къ соблюденію добрыхъ и полезныхъ мыслей, и сдѣлать ее къ онымъ способною, то должно намъ стараться пріучать ее къ справедливому и разумному образу мыслить.

Естьли напалъ ты на добрую мысль, то продолжай, не теряй ее скоро изъ вида, и не допускай себя отвлекать отъ нее никакому глупому случаю. Не оставляй мысли сей до тѣхъ поръ, пока ты ее совершенно не испыталъ и не истощилъ, и пока не принялъ въ уваженіе разныя послѣдствія, изъ нее произтечь могущія. Но не долѣе пребывай при одномъ и томъ же предметѣ, какъ пока примѣтишь, что мысли твои непринужденно и способно имъ занимаются; ибо естьли хотѣть мысли свои ограничить однимъ предметомъ, совсѣмъ истощеннымъ, то сіе значитъ давать имъ отнюдь не естественное теченіе, безъ малѣйшей ихъ силы къ объятію, и упражненію въ нихъ. Что можетъ

тебя упомить, или онѣ тѣмъ скорѣе нападутъ на что другое.

А чтобъ содержать мысли устремлены на то, о чемъ ты размышляешь: шо должно тебѣ нѣсколько приложить труда къ приведенію опять на память колеблющіяся и блудящія мысли, и оныя паки утвердить. Разсматривай вещь со всевозможныхъ сторонъ, и съ разныхъ точекъ, съ какихъ только представить себѣ можешь, одѣнь понятія твои въ пристойныя и избранныя слова и выговори оныя понятно, или предложи писменно.

Какова бы вещь, о коей ты разсуждаешь, ни была, то не принимай слѣдствій, изъ нее произходящихъ, никакихъ другихъ, кромѣ тѣхъ, кои ты найдешь ясными и естественными. Сіе есть единое средство доставить разсудку истинное и основательное познаніе. И напротивъ того *ложное познаніе* произходитъ отъ того, что ты вещь не проникаешь, или что выводишь принужденныя и не естественныя заключенія, и отъ того, что симъ невѣрнымъ заключеніямъ, или

изъ

изъ вещи извлеченнымъ слѣдствіямъ придаешь равный степень вѣроятія, каковый приписываютъ разумнѣйшимъ и надежнѣйшимъ начальнымъ положеніямъ.

Остерегайся взирать на вещь по *поверхности*, *скоропоспѣшно* и *безпорядочно*. Испытуй точно, и изслѣдывай основаніе, и во всемъ томъ, что ты читаешь, слушаешь, или о чемъ мыслишь, довольствуйся токмо одними ясными понятіями (естьли имѣть ихъ можно); ибо великаго заблужденія и великихъ замѣшательствъ есть источникомъ пребываніе при несовершенныхъ и темныхъ понятіяхъ.

Ежели привыкнешь *говорить* обо всѣхъ вещахъ естественно, искусно и разумно, то вскорѣ научишься и думать также о лучшихъ вещахъ, а особливо естьли обходишься чаще съ такими людьми, кои такимъ образомъ говорятъ, и познакомишься съ писателями, кои такъ пишутъ.

Таковое распоряженіе и праведное употребленіе мыслей и разумныхъ силъ твоихъ послужитъ тебѣ, въ продолженіи познаній юности твоей,

въ великую и всеобщую пользу, и изрядным предохраненіем отъ легкомыслія и безумныхъ вздоровъ воображительныя силы. Ты не найдешь въ томъ никакой непріятности, кромѣ той одной, что болѣе увѣришься о слабости и невѣжествѣ другихъ людей, которые болтаютъ больше догадками, нежели логически, и что благоразумнѣе съ такими людьми имѣть терпѣніе, нежели имъ противорѣчить. Но чрезвычайно великую пользу принесетъ сіе средство при исканіи истины и открытіи заблужденіевъ, и доставитъ намъ удовольствіе въ порядочныхъ и постоянныхъ упражненіяхъ, къ коимъ мы сами себя учреждаемъ. А когда мы хочемъ добрыя и полезныя соблюдать мысли, оныя продолжать и вырабатывать, тогда малая оная непріятность щедро наградитъ насъ.

2) Естьли мы желаемъ снабдить душу нашу добрыми мыслями, и въ оныхъ ее содержать, то *должно намъ пріучать ее къ моральнымъ и духонымъ пещамъ.*

Вѣрно, что душа наша ни чѣмъ благороднѣйшимъ и полезнѣйшимъ за-

няпа быть не можетъ, какъ подобными умозрѣніями. Ибо чрезъ оныя пріобрѣтаемое познаніе между всѣми науками, какъ въ разсужденіи своего предмета, такъ и намѣренія, есть изящнѣйшее; понеже предметъ онаго есть Богъ, и намѣреніе вѣчное блаженство.

Великое намѣреніе Религіи есть *содѣлать насъ подобными Богу*, и привести *насъ къ его общенію*. И все то, что не относится ясно на сіе, или паче стремится къ противному, пусть называютъ (ежели хотятъ) Религіею, но не возможно сей вещи несправедливѣе сего дать имени. И все то, что называютъ духовнымъ познаніемъ, а насъ къ сему предмету не руководствуетъ, отнюдь не есть познаніе духовное, но нѣчто такое, что ложно таковымъ именуютъ. Нѣкоторые по нещастію къ такому злоупотребленію словъ, и оныхъ разуму привыкли, что они сіи вещи не токмо называютъ Религіею, но и почитаютъ ихъ сею, хотя ей оныя совсѣмъ противны; и они такія понятія имѣютъ о духовномъ познаніи,

кои

кои ихъ совершенно отъ оныхъ удаляютъ.

Чистосердечія, поистинѣ благочестиваго мыслей расположенія, не изъ чего инаго лучше познать не можно, какъ изъ готовности, съ каковою мысли направляютъ себя къ Богу, и изъ удовольствія, съ каковымъ онѣ упражняются въ благочестивыхъ дѣлахъ. И естьли кто не всегда съ удовольствіемъ слушаетъ разговаривающихъ о духовныхъ вещахъ, коихъ образъ изъясненія, различный вкусъ, мыслей положеніе, нѣчто можетъ быть непріятнаго въ себѣ имѣютъ; и естьли кто никаковой охоты не имѣетъ и самъ объ оныхъ вещахъ размышляетъ и въ оныхъ упражняться: таковый имѣетъ великую причину опасаться о худомъ расположеніи своего сердца въ разсужденіи Бога. Ежели же чье сердце часто и съ удовольствіемъ упражняется въ святыхъ размышленіяхъ, то сіе есть не токмо что добрый знакъ его чистосердечія, но и того, что таковый удобенъ сдѣлаться къ пріятію лучшихъ и полезнѣйшихъ мыслей. Удобность сія

пре-

превратится въ готовность и содѣлаетъ таковаго способнымъ къ благороднѣйшимъ удовольствіямъ.

И посему нужно человѣку вообще примѣчать, какими онъ занимается мыслями, какъ и то, съ какими людьми онъ имѣетъ обхожденіе, ибо и они на сердцѣ его равное имѣютъ дѣйствіе. Злыя мысли столько же заразительны, сколько и злыя бесѣды. А добрыя мысли утѣшаютъ, наставляютъ и увеселяютъ душу столько же, сколько и добрыя бесѣды. Великое преимущество жить въ уединеніи, выбрать себѣ общество въ самомъ себѣ, которое ему пріятно.

Но понеже въ свѣтѣ попадаемъ мы скорѣе въ худое общество, нежели въ доброе, такъ и въ уединеніи чаще мучатъ насъ непристойныя и безполезныя мысли, нежели приходятъ къ намъ пріятныя и полезныя. И человѣкъ, столько много владычества надъ собою потерявшій, что каждая безумная и мучительная мысль можетъ его, какъ ей угодно, безпокоить, находится почти въ такомъ же состояніи, въ какомъ трактирщикъ, коего домъ открытъ всѣмъ мимоходящимъ, отъ ко-

коихъ онъ освободиться не можетъ, каковы бы они шумны, грубы и тягостны ни были; разность только та, что послѣдній получаетъ за свои безпокойства награжденіе, а первый никакова, но покой и тишина его даромъ нарушаемы бываютъ.

Столько то важно, какъ для спокойствія, такъ и ради душевнаго исправленія, стараться приводить мысли свои въ порядокъ. И сіе меня извинитъ, что я толь долго оставался при обработываніи матеріи по сему дѣлу, которое заключить хочу еще однимъ примѣчаніемъ, что весьма опасно, естьли ты себѣ воображаешь, какъ то многіе обыкновеніе имѣютъ, что ни хорошо, ни дурно имѣть добрыя или худыя мысли; ибо основаніе вещей согласуется съ свидѣтельствомъ Священнаго Писанія, увѣряющаго насъ, что *запѣдомо безумная мысль грѣхъ есть* (в).

Глава

(в) Тотъ грѣшитъ, кто внутрь себя умышляетъ какое либо злодѣяніе. Ювен. Сатир. 13. Примѣчай за твоими мыслями, ибо помышленія наши слышны въ Небѣ, говоритъ Юнгъ.

Глава XV.

О памяти.

XIV. Человѣкъ, знающій самъ себя, будетъ смотрѣть не токмо за обращеніемъ мыслей своихъ, но и за исправленіемъ памяти своей.

Память есть та сила душевная, которая была опредѣлена магазиномъ, или запаснымъ домомъ нужнѣйшихъ ея понятій, въ которомъ оныя безопасно сохраняемы быть могутъ, и откуда при удобномъ случаѣ паки взять ихъ можно.

Но не льзя имѣть совершеннаго познанія о самомъ себѣ, естьли за онымъ въ разсужденіи двухъ вещей надлежащаго не будешь имѣть присмотру, а именно: 1) въ разсужденіи припасовъ онаго, и 2) въ разсужденіи исправленія онаго.

1) Человѣкъ, знающій самъ себя, будетъ примѣчать чѣмъ онъ напол-

няетъ свою память, не отяготитъ онъ ее ветхими и безполезными вещами, или кучею ненужныхъ понятій и низкихъ представленій, кои онъ показывать постыдится благоразумнымъ людямъ.

Ежели способность плоха, не отягощай ее. Равно дурныя слѣдствія произходятъ отъ обремененія слабой памяти, какъ и отъ наполненія желудка. А чтобъ не отягощать ее безполезными вещами, то примѣчай какія бесѣды посѣщаешь, какія читаешь книги, и какія мысли тебѣ пріятны; въ противномъ случаѣ, прежде нежели ты примѣтишь, огромная куча ни къ чему годныхъ обломковъ накопится въ памяти твоей, и займетъ въ ней мѣсто, на которомъ бы лучшія понятія водвориться могли. Не дозволяй ускользнуть изъ головы твоей ни одной драгоцѣнной мысли, за нею долженъ ты долго и съ трудомъ гоняться, прежде нежели постигнешь. Пріобрѣтеніе и утвержденіе въ оной. можетъ тебѣ большую принести пользу, нежели чтеніе многихъ часовъ.

Коль же то вредно, что люди несказанно какой прилагаютъ трудъ къ изученію такихъ вещей, коимъ они, пришедши въ разумъ, съ тѣмъ же великимъ трудомъ переучиваться должны! — Представленіе, долженствующее насъ въ такихъ вещахъ сдѣлать примѣчательными и осторожными, почитаемъ мы приличнымъ духу нашему упражненіемъ.

2) Познаніе о самомъ себѣ покажетъ кругъ и способность памяти, и лучшій путь исправленія оной (г).

Не меньшаго требуется искусства усилить слабую память такъ, чтобъ употреблять оную съ такою же пользою, съ каковою употребляютъ ее

(г) Три вещи наипаче составляютъ хорошую память: разумъ, порядокъ и стараніе; ибо изрядную уже часть памяти составитъ, вещь совсѣмъ *пыразумѣть*; потомъ посредствомъ порядка можемъ мы однажды забвенное какъ вновь возвратить духу нашему, и наконецъ стараніе, которое не только въ семъ случаѣ, но и во всѣхъ дѣлахъ премного можетъ. Эрастъ о способ. учит. у Рингелберга въ концѣ сочиненія на стран. 168.

тѣ, кои имѣютъ сильную память. Нѣкоторыя служащія къ тому правила, суть слѣдующія:

1) Берегись всѣхъ родовъ невоздержанія въ удовлетвореніи похотѣній и страстей твоихъ, ибо всякія излишества наносятъ памяти вредъ.

2) Естьли слабую имѣешь память, не обременяй ее; влагай въ нее только полезнѣйшія и основательнѣйшія понятія. Малый корабль не надлежитъ наполнять худымъ грузомъ; а когда грузъ его состоитъ изъ дорогихъ вещей и распоряженъ благоразумно, тогда онъ дороже нежели корабль, вдвое больше нагруженный.

3) Употребляй, по примѣру Локкову, записную книжку, въ которой все вкратцѣ изображено быть должно, и прочитывай ее каждый годъ. Но берегись, полагаясь на малыя записки и облегченія, для памяти твоей чинимыя, совсѣмъ безъ работы оставить память твою, сіе обстоятельство весьма соединено съ симъ средствомъ.

4)

4) При каждомъ случаѣ, будучи въ бесѣдѣ, старайся, естьли разговоръ дозволитъ, сказывать лучшія твои мысли. Сіе вкоренитъ ихъ въ память твою. По сей-то причинѣ люди, привыкшіе сказывать вздоръ, никогда его не забываютъ (д).

5) Сопрягай съ понятіемъ, которое ты примѣтить хочешь, другое, которое для тебя легче, которое по своей натурѣ, или по звону выговора съ онымъ сходственъ, или по времени, или по мѣсту съ онымъ состоитъ въ связи. И когда ты о семъ вспомнишь; ибо оно для тебя

К 3 за-

(д) Все, что ты ни будешь учить, учи скоро, такимъ образомъ и себя можешь укрѣпить въ знаніи и другихъ сдѣлать полезными. Рингелб. о спос. учит. стр. 28.

Наконецъ и то не въ одномъ только, но во многихъ случаяхъ будетъ полезно, естьли будетъ кто часто другихъ учить; ибо никогда лучше ты не можешь узнать, что ты знаешь и чего нѣтъ, а сверьхъ того и никогда столько не можетъ случающееся что либо при толкованіи, или разсказываніи, новое быть вперено въ умъ, какъ въ семъ случаѣ. Эрасм. Ротер. о спос. учиться. стран. 179.

замѣчательнѣе, то припомнишь и объ ономъ (посредствомъ той *спязи* и того *сцѣпленія понятій*) съ нимъ соединенномъ и совокупленномъ; а безъ сего тщетно искать оное будешь. — Правило сіе весьма полезно къ вспомоществованію замѣчанія именъ.

6) О томъ, что ты предпринялъ замѣчать, воспоминай ложась спать, и опять тогда, какъ встаешь съ постели, ибо поутру силы духовныя свѣжѣе. Ввечеру паки все то проходи, что днемъ замѣчанія достойнаго съ тобою случилось.

7) Не думай, что уже довольно и того, что ты магазинъ свой хорошими наполнилъ мыслями; нѣтъ, тебѣ надобно ихъ въ немъ хорошенько расположить, и раздѣлить ихъ въ надлежащіе сорты такъ, что когда ты захочешь размышлять, или говорить о вещи, то зналъ бы къ которому сорту тогда ты ее причислилъ, откуда и взять ее можешь. Такимъ образомъ одно напоминовеніе о вещи ясно предложитъ тебѣ и мысли объ оной;

оной; симъ способомъ будешь въ памяти твоей носить всегда памятную книжку. Не вредно, естьли иногда о сихъ припасахъ духа твоего и опись сочинять станешь, и пройдешь мысленно сколько добрыхъ мыслей въ томъ и томъ сортѣ собрано, и куда они положены.

Наконецъ, нѣтъ лучшей помощи для памяти, какъ естьли о вещахъ *размышляешь*, *пишешь*, или *говоришь* о нихъ. — Но о семъ довольно.

Глава XVI.

Въ разсужденіи нравственнаго вкуса.

XV. Кто самъ себя знаетъ, тотъ знаетъ же и то, въ чемъ состоитъ собственной его нравственной вкусъ, объ ономъ примѣчаетъ, а особливо до вещей, касающихся закона, или Религіи.

„Покойный ГосподинЪ Гове весь-
„ма остроумно примѣчаетЪ, что
„сверьхЪ простаго разума и силы
„разсужденія есть еще нѣчто отмѣн-
„ное отЪ онаго небеснаго дарованія,
„въ СвященномЪ Писаніи *благодатію*
„названнаго, и называется Gusto,
„или *пкусомЪ*, собственнымЪ человѣ-
„ческой душѣ, (о чемЪ я также мало
„сомнѣваюсь, какЪ и другіе люди,
„хотя нѣсколько за собою примѣчаю-
„щіе). Его толь же мало изЪяснить
„можно, какЪ и чувственной вкусЪ,
„или отвращеніе. Сему тѣ только
„удивляются, которые сами себя не
„знаютЪ, или ни на кого, кромѣ
„какЪ на самихЪ себя, смотрѣть не
„хотящіе. — И такЪ не можно во-
„обще сказать, что такимЪ, или
„симЪ образомЪ людьми управляетЪ
„лучшій разсудокЪ или большая мѣра
„(количество) благодати; но есть
„нѣчто въ ихЪ душевномЪ раз-
„положеніи отЪ оныхЪ двухЪ от-
„личное, которое ни чѣмЪ лучше, какЪ
„нравственнымЪ вкусомЪ, назвать не
„умѣю. — И въ семЪ кроется толь
„же мало тайнаго, какЪ и въ томЪ,

„что

„что нѣчто есть и въ нашей натурѣ,
„на пр. угодность и неугодность въ
„разсужденіи предметовъ духа. И
„сіе есть, смотря по роду оныхъ,
„людямъ столько же свойственно,
„сколько и человѣческая природа; но
„въ нѣкоторыхъ особахъ такъ опи-
„мѣнно, какъ и прочія человѣческія
„склонности различны.

Произходитъ же сей отмѣнный вкусъ касательно до дѣлъ законныхъ, или Религіи, (поколику сіе можетъ быть нѣчто естественнымъ и человѣку сроднымъ) обыкновенно отъ различія воспитанія и привычки. А истинная причина, по которой нѣкоторые люди вкоренѣлое отвращеніе къ нѣкоторымъ вещамъ въ Религіи имѣютъ, хотя оные и довольно нарочито извинены быть могутъ, и напротивъ того къ другимъ чувствуютъ постоянное почтеніе, противу которыхъ однакожъ сдѣлать можно возраженіе, есть можетъ статься не лучше того, какъ я слышалъ нѣкоторыхъ чистосердечно признавающихся, что они къ однимъ уже привыкли, а къ другимъ

нѣтъ. Ибо одинъ чрезъ долгое употребленіе и привычку получаетъ вкусъ къ худымъ и нездоровымъ яствамъ, а другой къ деликатнымъ блюдамъ: равно пріобыкнувшій къ нѣкоторымъ выраженіямъ, понятіямъ и заобыкновеніямъ мало по малу до того дойдетъ, что толь великое почтеніе къ нимъ получитъ, что онъ другія, къ которымъ онъ не привыкъ, презираетъ и проклинаетъ, хотя они можетъ быть лучше и сходнѣе съ Священнымъ Писаніемъ и здравымъ разсудкомъ.

Сей отмѣнный вкусъ въ вещахъ до Религіи касающихся, различествуетъ (какъ Г. Гове изрядно примѣчаетъ) какъ отъ силы разсужденія, такъ и отъ благодати.

Но часто ложно вмѣсто обоихъ принимается, естьли ты почтешь его первою, приведетъ къ заблужденію, естьли послѣднею, то къ хуленію.

Съ симъ отмѣннымъ вкусомъ въ предметахъ душевныхъ тоже случается, что и съ тѣмъ, что мы въ разсужденіи предметовъ чувствія называемъ *воображеніемъ*; ибо сколько то несправедливо сказать можно, что тотъ человѣкъ имѣетъ лучшій разумъ въ кушаньѣ, нежели другой, единственно для того, что ему нѣкоторыя блюды лучше нравятся, нежели другому: такъ и то несправедливо, что такой-то имѣетъ лучшій разумъ въ вещахъ до Религіи касающихся, потому только, что у него есть сильнѣйшая любовь къ отмѣннымъ ученіямъ и обрядамъ, нежели у другова.

Но хотя сей *нравственный вкусъ* не одно съ разсудкомъ составляетъ, но со всѣмъ тѣмъ часто привлекаетъ онъ его на свою сторону, и портитъ его иногда весьма много.

Сіе нигдѣ яснѣе не является, какъ при заключеніи о слушаемыхъ проповѣдяхъ. Нѣкоторымъ нравятся Пастетическія, трогающія и въ жаръ

при-

приводящія слова, другимъ основательнѣйшія и умственныя, инымъ высокія и Мистическія кажутся лучше; для однихъ ничего не можетъ быть довольно просто, а для другихъ довольно высоко. Нѣкоторые хотятъ, чтобъ говорили только къ ихъ разуму и разсудку; другіе, чтобъ говорили ихъ склонностямъ и пристрастіямъ; иные требуютъ, чтобъ простирали слово къ ихъ опытамъ и совѣсти. И каждый слушатель, или читатель, склоненъ по отмѣнному своему вкусу заключить, и того почитать первымъ проповѣдникомъ, или писателемъ, которой ему болѣе нравится, не испытавъ прежде отмѣнной его вкусъ, по которому онъ судитъ.

Хотя всякому сродно желать удовлетворенія вкуса своего, но несправедливо съ его стороны почитать свой вкусъ лучшимъ и выдавать его за правило и всѣмъ въ примѣръ. И еще несправедливѣе, естьли кто требуетъ, чтобъ говорящій въ народныхъ собраніяхъ, всегда говорилъ по

его

его вкусу; сего же другій по равному праву требовать можетъ. Также не возможно, чтобъ предложенное множеству слушателей равно было по вкусу всѣхъ. Въ примѣрѣ кушанье, съ какимъ бы искусствомъ приготовлено оно ни было, не можетъ понравиться равно всѣмъ за столомъ сидящимъ, между которыми многіе его пожелаютъ, а другіе не похотятъ.

Проповѣдникъ долженъ матерію свою располагать, сколько санъ его и совѣсть дозволитъ, по вкусу своихъ слушателей; ибо извѣстно изъ опыта и здраваго разсудка, также и отъ совѣта и примѣра Апостола Павла (e), что сіе есть лучшее средство споспѣшествовать созиданію слушателей. Ежели же ихъ вкусъ совсѣмъ испорченъ, и проповѣдникъ къ тому только ихъ наклоняетъ, что имъ при-

(e) КЪ Рим. гл. XV. ст. 2. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію, (къ исправленію). КЪ Коринѳ. I. гл. IX. ст. 22. Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя пріобрящу: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.

приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, то самое великое одолженіе, каковое проповѣдникъ въ семъ случаѣ содѣлать можетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ онъ взялъ на себя трудъ исправить толь испорченный аппетитъ, получившій отвращеніе отъ самаго здороваго кушанья, и алчущій самой вредной пищи. Сіе, говорю я, долженъ онъ предпринять тихимъ и осторожнымъ образомъ, хотя бы ему и опасность предстояла, какъ то легко случиться можетъ, навести сомнѣніе о своемъ благочестіи и прозорливости; ибо обыкновенно случается, что тѣ суть наистрожайшіе и немилосерднѣйшіе въ семъ случаѣ судьи, которые наименѣе способны къ должности проповѣдничей.

Сія можетъ быть есть самая неизъяснимая слабость въ человѣческой природѣ, что въ вещахъ до Религіи касающихся, злоба наша наиболѣе тамъ обыкновеннѣе, гдѣ наше различіе наименѣе что либо значитъ; тѣ, которые нарочито близко отстоятъ отъ нашего ученія, но къ намъ не при-

бли-

ближаются, подвержены болѣе хулѣ и нашему отвращенію, нежели отдаленнѣйшіе отъ онаго. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребно большаго надъ самимъ собою господствованія, и большей честности къ побѣжденію сея слабости. Какія бы тайныя пружины въ человѣкѣ ни были, я не остановлюсь долѣе при испытаніи оныхъ; самая вещь толь ясно предлагается предъ очи наши, что не видать ее не можно.

Но мы всѣ вообще стараться должны узнать вкусъ нашъ въ вещахъ до Религіи касающихся, и оный испытывать, дабы, естьли онъ ложный, могли его исправить; естьли золъ, сдѣлать добрымъ; естьли справедливъ и хорошъ, его усилить и возвысить. Понеже и сердце толь же удобно къ худому вкусу, какъ и небо во рту нашемъ, и тѣми же достигаетъ къ тому путями, сирѣчь долгое время пріобучая себя къ неестественному вкусу, которой отъ привычки становится пріятнымъ. А ежели мы узнаемъ, въ чемъ оный со-

спо-

стоитъ, и испытавши оный на пробномъ *Камнѣ Спященнаго Писанія*, *здраваго разсудка* и *совѣсти*, остановимся при семъ, станемъ читать такія книги, кои по оному сочинены, и которыя по сему основанію наиполезнѣйшія быть могутъ. Притомъ да примѣтимъ двѣ вещи: 1) чтобъ онъ не привлекъ разсудокъ нашъ на свою сторону, и не довелъ бы насъ до заблужденія; 2) чтобъ онъ не оковалъ любовь нашу, и не искусилъ бы склонность нашу къ хуленію.

Глава XVII.

О пелихихъ и глапныхъ нашихъ намѣреніяхъ пь мірѣ.

XVI. Вторая часть познанія самаго себя состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, какія суть великія цѣли, для коихъ мы живемъ на свѣтѣ.

Мы должны принять въ уваженіе, какой есть главнѣйшій предметъ, къ которому мы стремимся; какія суть все-

всеобщія правила и начальныя основанія, по которымъ мы живемъ; или еще мы не назначили мету, и никакими извѣстными основаніями не управляемся, или такими, въ которыхъ мы признаться стыдимся.

„Первое знатнѣйшее благоразумія „правило есть то, чтобъ человѣкъ „касающееся до истинной и лучшей его „пользы относилъ къ первому своему „предмету; второе, чтобъ онъ пользовался всѣми средствами и случаями, чрезъ кои можетъ онъ достигнуть до сего предмета. Сіе есть „сильнѣйшее мнѣ извѣстное средство, „чрезъ которое вѣрно пріобрѣсть можно въ здѣшней жизни характиръ „мудраго человѣка, а въ оной награжденіе, пристойное мудрому мужу. „И между сими двумя правилами есть „такое ближайшее соединеніе, что о „томъ человѣкѣ, которой *перпаго* не „исполняетъ, не льзя думать, что „*второе* имѣетъ онъ въ своемъ видѣ. „Не примѣчающій за своими поступками никогда мнѣ не докажетъ, что

„онъ чистосердечно служащее къ ве-
„личайшей его пользѣ ставитъ сво-
„имъ предметомъ; ибо, естьли бы
„онъ такъ поступалъ, тобы старал-
„ся тольже чистосердечно соглашать
„себя и со вторымъ правиломъ, яко
„съ средствомъ къ первому (з).

Мало людей, живущихъ на вы-держку, (на неизвѣстное, надѣющихся на авось либо) но имѣютъ въ глазахъ нѣкоторый извѣстный предѣлъ; что нибудь дѣйствуетъ на ихъ поступки, и нѣчто есть великимъ предметомъ ихъ стремленія и надежды. Человѣкъ жить не можетъ безъ главныхъ намѣреній; благоразумный всегда будетъ вѣдать, въ чемъ оныя состоятъ, хорошо ли или дурно оными быть управляему, заслуживаютъ ли они одобренія отъ его разсудка и разума, или они таковы только, каковыми ихъ признаетъ воображеніе и склонность. Для него весьма важно

и

(з) Norriss' Misc. p. 18.

и разумно поступать и разумно говорить; онЪ стыдится не сходно поступать и не сходно говорить съ своимЪ характиромЪ.

Куда стремятся всѢ наши намѢренія? КЪ сему ли міру, въ которомЪ мы живемЪ, или кЪ тому, въ которой мы переходимЪ? Естьли надеждѢ и радости нашей положенЪ предѢломЪ сей только мірЪ, такЪ мучительна мысль, что мы ежедневно удаляемся отЪ *нашего блаженства.* Естьли надежда и веселіе наше направлены кЪ вышшему, такЪ съ удовольствіемЪ представляемЪ мы себѢ, что *ежедневно приближаемся мы* кЪ предмету высочайшаго нашего желанія.

ВЪ чемЪ состоитЪ главнѢйшее попеченіе наше? ВЪ томЪ ли, чтобЪ быть великими предЪ глазами человѢковЪ, или вЪ томЪ, чтобЪ быть таковыми предЪ очами живаго Бога? Естьли оно состоитЪ вЪ первомЪ, то мы подвергаемся мученію и непрестаннымЪ обманамЪ. Ибо много

уже и того, что естьли ненависть людская не похищаетъ у насъ большую часть заслуженной нашей похвалы, или ежели дозволяетъ суетности нашей довольствоваться малою похвалою, которою она насъ удостоиваетъ. Естьли же попеченіе наше состоитъ въ послѣднемъ, естьли главное намѣреніе наше въ томъ, чтобъ угодить Богу, въ такомъ случаѣ собираемъ мы себѣ сокровища продолжительнаго и безопаснаго удовольствія, умалчивая уже о томъ, что сіе есть вѣрнѣйшее средство даже въ самыхъ человѣческихъ очахъ казаться великимъ, и вѣрный способъ къ пріобрѣтенію почтенія самыхъ тѣхъ, коихъ похвала достойна нашего желанія.

„Да будетъ же къ сему, о душе „моя, мудрое твое и постоянное „стремленіе; да управляетъ и опредѣ„ляетъ сіе твои намѣренія; да пре„будетъ сіе твоимъ закономъ, укло„неніе отъ котораго чти прегрѣше„ніемъ твоимъ, какому бы презрѣ„нію

„нію и неуваженію оно тебя въ „глазахъ другихъ ни подвергало (и). „Старайся жить сообразно сему ха- „рактиру, и старайся всегда какъ „предъ свѣтомъ, такъ и въ уединеніи „его оправдывать (і). Сирѣчь буди „другъ и любитель Божій, на ми- „лость коего возлагай и настоящее и „будущее твое упованіе. Придержись „сего намѣренія во все теченіе живота „твоего, и не дерзай, въ какомъ бы то „случаѣ ни было, поступать оному „противно.

Л 3 Глава

(и) Что ты единожды предпріялъ разумно, при томъ и оставайся, и почитай себѣ закономъ никогда онаго не преступать, не сдѣлавшись виновнымъ. И не обращайся къ тому, что люди о тебѣ говорятъ.

(і) Правиломъ себѣ положи и образцемъ, которой бы ты, въ разсужденіи самаго себя и прочихъ людей, въ обхожденіи сохранялъ.

Глава XVIII.

О томъ, какъ узнапать истинное состояніе души своей, и способны ли мы ко смерти.

Наконецъ самый важный пунктъ познанія самаго себя есть познаніе истиннаго состоянія души въ разсужденіи Бога, и въ какомъ мы разположеніи умереть.

Сіи два отдѣленія по существу своему соединены между собою неразрывно, и для того полагаю я ихъ совокупно. Познаніе о первомъ опредѣлитъ познаніе втораго, и есть также единственное, могущее отъ онаго быть опредѣленно. Ибо никто сказать не можетъ, что онъ умереть способенъ, естьли не знаетъ истиннаго души своей состоянія.

Дѣло сіе толь великой важности, что ужаснуться должно, какъ разумный человѣкъ, бывшій въ невѣдѣніи по

по сему пункту, можетъ быть споко-енъ помысливъ, что то такое уме-реть. — И такъ постараемся объ-яснить себѣ важный сей пунктъ со всевозможною ясностію, и посмот-римъ, не возможемъ ли мы по основа-тельнѣйшимъ правиламъ достигнуть къ спокойствію въ ономъ.

И такъ чтобы испытать, годны ли мы къ смерти, должно намъ во первыхъ знать: что дѣлаетъ насъ годными, или способными къ смерти. — На сіе есть весьма естественный и легкій отвѣтъ, то есть: насъ къ смерти годными дѣлаетъ то, *что по смерти содѣлываетъ насъ способны-ми къ блаженству.*

Ето вѣрно; — но потомъ слѣду-етъ опять вопросъ: *что же дѣлаетъ насъ по смерти способными къ блажен-ству?*

А чтобъ на сіе отвѣтствовать, то должно напередъ рѣшить сей во-прось: *что-то есть оное блажен-ство?*

Оно

Оно не есть рай дураковъ, ниже Турецкое сновидѣніе чувственныхъ удовольствій. Ето должно быть такое блаженство, которое сходно съ природою душевною, и которымъ она удобна наслаждаться и въ будущемъ ея состояніи по разлученіи отъ тѣла; и въ чемъ же иномъ оное состоять должно, какъ не въ сообщеніи съ Богомъ, яко съ высочайшимъ существомъ и виною существа нашего?

За симъ слѣдуетъ вопросъ: *что же дѣлаетъ насъ способными къ общенію съ Богомъ въ будущемъ состояніи отдѣленныхъ духовъ?*

Мнѣ кажется, мы можемъ вопросъ сей рѣшить кратко и надежно, сказавъ то, *что насъ на семъ свѣтѣ дѣлаетъ Богу подобными.* Чрезъ сіе только можемъ мы содѣлаться прямо способными къ общенію съ нимъ по смерти, и сіе есть то единое, что можетъ насъ приготовить къ смерти. Ибо какъ тѣ, которые здѣсь Богу не подобны, могутъ уповать, что

они

они по смерти будутъ въ его общеніи? А естьли не имѣютъ они никакой основательной причины надѣяться общенія на томъ свѣтѣ съ Богомъ, то какъ могутъ они способными учиниться къ смерти?

И такъ великой вопросъ: *готовъ ли я къ смерти?* рѣшится вопросомъ: *подобенъ ли я Богу?* Ибо сіе единое творитъ меня способнымъ къ небеси; а творящее меня способнымъ къ нему есть единственное средство, содѣлывающее меня способнымъ ко смерти.

Постараемся же хорошенько испытать сіе дѣло, и розыщемъ ево по-осторожнѣе и безпристрастно.

Совершенно извѣстно, что Богъ благоизволитъ въ тѣхъ только, кои ему подобны, и также извѣстно, что никто кромѣ подобныхъ Ему не найдутъ въ немъ удовольствія. Но Богъ есть всечистое и святое существо, существо безконечныя любви, благодати и терпѣнія, Его же пра-

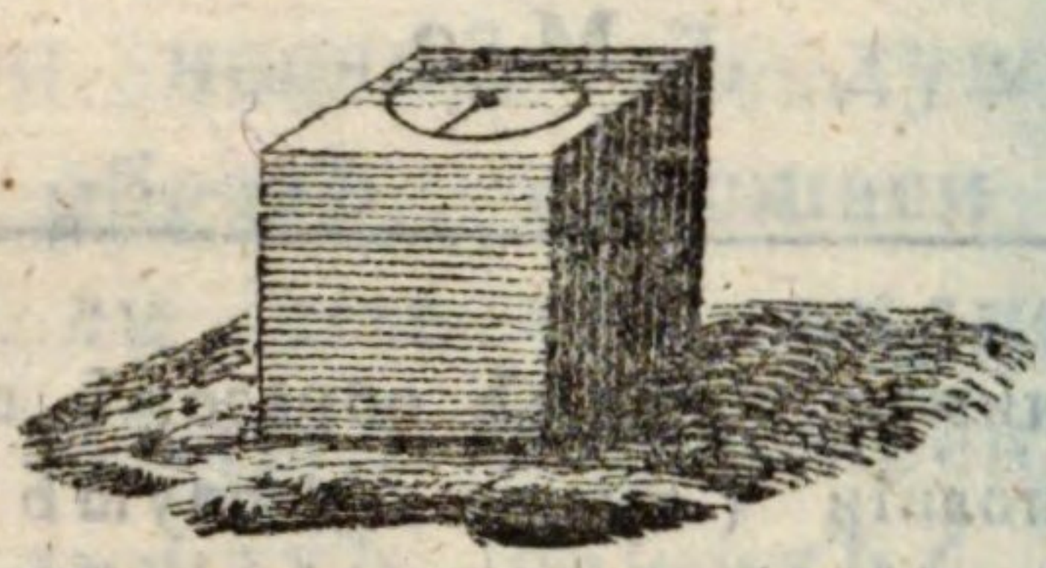
вота непремѣнна, истинна ненаруши-
ма и премудрость необманчива. Сіи
суть нравственныя свойства Божіяго
существа, въ которыхъ мы ему
подражать должны. Они суть яв-
ственныя сношенія божественнаго
естества, по которымъ всѣ благоче-
стивые съ нимъ сходствуютъ, и
коихъ единыхъ ради они суть пред-
меты его благоволенія; ибо Богъ
никого кромѣ тѣхъ любить не мо-
жетъ, кои носятъ въ душахъ сво-
ихъ сей образъ упостаси его. —
Находимъ ли мы сіи видимыя от-
ношенія (слѣды) божественнаго об-
раза въ душахъ нашихъ? Можемъ
ли мы показать наше съ нимъ по-
добіе въ его святости, благости,
милости, правотѣ и истинѣ? Еже-
ли можемъ, то вѣрно, что мы и къ
общенію съ нимъ готовы и достой-
ные предметы любви его. — Отсюда
знаемъ, что мы и къ смерти
готовы, ибо отсюда познаемъ,
что мы способны къ блаженству по
смерти.

Такимъ образомъ вскорѣ достигнемъ мы до справедливаго рѣшенія важнаго вопроса, естьли честно съ совѣстію нашею обходиться будемъ, и естьли пребудемъ безпристрастны въ испытаніи жизни и нрава нашего, вскорѣ, говорю, рѣшимъ мы вопросъ сей: какова есть свойства истинное состояніе души нашей въ разсужденіи Бога, и въ какомъ мы расположеніи къ смерти (к)? Что, понеже есть важ-

(к) Я не понимаю какимъ образомъ познаніе о нашемъ состояніи (пусть назовутъ его, естьли хотятъ, увѣреніемъ) есть еще дѣло необыкновенное и чрезвычайное, какъ то нѣкоторые воображать привыкли. Разумѣйте подъ увѣреніемъ такое убѣждающее доказательство вещи, которое разрѣшаетъ всякое разумное сомнѣніе и обезпокоивающій страхъ противоположеннаго, хотя еще можетъ быть и за тѣмъ остается нѣкоторое лучшее подозрѣніе и недовѣрчивость. И въ такомъ случаѣ многіе достигли до такого увѣренія и извѣстности, и наслаждаются произтекающимъ изъ того увѣреніемъ, которое есть поистиннѣ толь великой важности, что дивиться должно, что размышляющій Христіянинъ, чающій вѣчности, недѣлю или день безъ онаго спокойнымъ быть можетъ. Bennets Christ. Orat. p. 569.

нѣйшій пунктъ познанія самаго себя, що и послѣдній, о коемъ я упомяну; и симъ хочу я заключить первую часть сего опдѣленія.

Конецъ первой части.



BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Mason, John, 1706-1763

Ioanna Masona A. M. Poznanie samago sebja v kotorom estestvo i pol'za seja važnyja nauki, ravno i sredstva k dostiženiju onyja pokazany ; s prisovokupleniem priměčanij, o estestvě čelověčeskom
Bd.: 1

V Moskvě (1783)

Ph.pr. 1409 o-1/3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10042536-2